

Время золотое

Автор:

Александр Проханов

Время золотое

Александр Андреевич Проханов

Роман Александра Проханова «Время золотое» подобен прежним его романам: выхваченный из пекла сегодняшней политической и идеологической жизни, он раскален, его трудно брать руками – он жжет. Книга рассказывает о недавних событиях, которые сотрясали основы государства российского: о Болотной площади, о толпах, двигавшихся на Кремль, о трагической схватке, в которой могли погибнуть миллионы людей, а вместе с ними российское государство. Это роман о «героях» Болотной, это роман о лидере, который переживает преобразование, одолевает духовную слабость и становится победителем в жестокой схватке. В центре повествования – идеолог, носитель русских смыслов, проповедник русского государства, русской победы. Хотя многие герои напоминают персонажей сегодняшней политической драмы, не следует искать среди них прямых прототипов. В книге все истинно и условно, абсолютно правдоподобно и одновременно – придумано. Прямая аналогия между персонажами Болотной площади, Кремля или идеологических центров с реальными фигурами, имеющими имена и фамилии, была бы упрощением.

Александр Андреевич Проханов

Время золотое

Часть первая

ГЛАВА 1

Иван Градобоев набирал полную грудь студеного воздуха. Накалял вздох своей огненной яростью. Жарко выдыхал в микрофон. Железный звук летел над Болотной площадью, рассекая, испарывая, вырывая из толпы вопли страдания и ненависти. Градобоев жадно глотал эту ответную ярость, пил пьянящий настой. Делал вздох, поднимая высокие плечи, сливая свою огненную силу с гулом и ревом толпы. Направлял грохочущие слова в черное колыхание площади.

– Чегоданов вор! Царь воров! Он украл наши нефть и газ! Наши лес и алмазы! Превратил Россию в пиратское королевство, которым управляют бандиты и хриstopродавцы! Он украл нашу свободу, подсовывая на выборах фальшивые бюллетени, где вписано его ненавистное имя! В пятый, десятый, двадцатый раз он будет назначать себя президентом, пока от России, как от мертвой рыбы, не останется обглоданный Уральский хребет! Пусть Чегоданов покажет свои счета в американских и швейцарских банках, в банках Гонконга и Сингапура, в офшорных банках Кипра и Каймановых островов! Пусть скажет, какая доля принадлежит ему в газовых и нефтяных компаниях, какие отчисления идут ему от торговли оружием, сколько платят ему губернаторы, получая ярлыки на кормление! Пусть расскажет, кто взорвал дома в Москве, кто убил и продолжает убивать неподкупных журналистов! Люди, хотим ли мы вора-президента? Хотим ли мы жить в обезьяннике, в который превращают Россию?

Градобоев метал в толпу тяжкие, как булыжники, слова, и они оставляли вмятины. Толпа стонала от боли, содрогалась от страшных слов. Глухо ревела в ответ:

– Нет Чегоданову! Вор не пройдет! Градобоев – наш президент!

Градобоев чувствовал могучую слепую силу толпы, которая колыхалась на Болотной площади, как черный вар в накаленном котле. Его слова, как языки пламени, лизали стены котла, и толпа вскипала липкими пузырями, чавкала, чмокала, одевалась туманом, в котором мутно белели лица, струились флаги, качались транспаранты. Кинотеатр «Ударник» в вечернем воздухе начинал ртутно светиться. Вода в канале крутила золотые отражения фонарей. Мостик через канал был облеплен людьми. Над крышами домов, алый, близкий, дышащий, возносился Кремль, а с ним белоснежные соборы, золото, лучи

прожекторов, в которых клубился синий осенний туман. И снова площадь с толпой, похожей на зверя, по спине которого пробежала больная судорога, волна серебристого меха.

Градобоев любил толпу. Страшился ее. Чувствовал ее непредсказуемый нрав. Ее вероломство, ее ненасытность. Повелевал ею, навязывал свою волю и был в ее власти. Как сказочный царевич, питал ее своей плотью, кидал ей в пасть сочные, вырезанные из тела ломти, боясь, что зверь с окровавленными ноздрями кинется на него и сожрет. И в этом было упоение, несравненная сладость, неутолимое сладострастие.

– Чегоданов думает, что мы насекомые, лишённые смысла и воли! Мыши, поедающие крохи с его барского стола! Но мы не мыши, мы птицы! Несем весть о Русской Весне! Мы вольные граждане великой страны, которая сбросит с себя иго жуликов и воров! Иго временщиков и захватчиков! Нет Чегоданову! Его место не в Кремле, а в тюрьме!

Он водил по толпе огромным плугом, прокладывая борозды, выворачивал пласты. Чернозем шевелился, дышал. Градобоев вспарывал его отточенной сталью, сеял семена своей ненависти и любви.

– Градобоев! Градобоев! – рявкала и лязгала толпа.

Он отступил от микрофона в глубину эстрады, оставляя после себя пустоту, в которую площадь тянула тысячи рук, требовала его обратно, жадно шарила в сумерках. Градобоев, задыхаясь, слушал восторженных референтов, отвечал на торопливые вопросы журналистов, поворачивался навстречу слепящим вспышкам. Искал и находил влюбленные сияющие глаза женщины, которая кивала ему, восхищалась, гордилась его отвагой и бесстрашием.

– Ну как, Елена? Они меня слышат?

– Мы все тебя слышим, Иван! – Она сжимала его руку, которая трепетала от страсти.

Косматый певец с гитарой прыгал и вертелся в серебряном луче. Кидал в толпу огненные шары звуков, и они лопались, как шрапнель, косили толпу, и она валилась из стороны в сторону. Возносила вверх руки, и они колыхались, словно

трава. Певец дул на эти зыбкие стебли, и по толпе, как от ветра, струились и бежали разводы.

Кремлевские бесы, нам больше невмочь.

Вы день превратили в ночь.

Кремлевские крысы, вам сдохнуть пора.

Вы изгрызли звезду и орла.

Кремлевские трупы, вам тлеть и лежать.

Нам петь, веселиться, рожать.

Певец напрягал голое плечо с татуировкой. Блестел зубами в пышных, как у моржа, усах. Крутился, приседая. Бил кулаком в гитару. Указывал пальцем на Кремль, где лежали отвратительные трупы, которых пора вынести и бросить в осеннюю реку, где пляшут стальные вензеля фонарей.

Градобоев наблюдал толпу, ее ликование, наивную радость, детскую доверчивость. Вспышки ненависти, переходящие в веселый гогот и свист. В сумраке мерцали непрерывные искры фотокамер. Улетали в осеннее небо воздушные шарики. Над Болотной кружил вертолет с телекамерой, передававший изображение митинга в административные центры. На границах площади темнели военные фургоны, грузовики, автобусы с бойцами ОМОНа. И все это громадное скопище, это чудовищное существо было подвластно Градобоеву. Он сотворил его легким нажатием клавиш, летучим моментальным касанием портативного ноутбука, из которого летели бессловесные призывы, бестелесные приказы. Как порох, они воспламеняли людские души, изнывающие среди тоскливой бессмыслицы выборов, дурных правителей, лживых лукавцев. Градобоев разглядел в этих душах мучительные центры страдания, волокна боли, импульсы протеста и раздражения. Нашел среди истертых и замусоленных слов неповторимые, пламенные слова и обратился с ними к народу. Призвал к восстанию. Как загорается на обочинах сухая трава, опалает кусты, перекидывается на деревья, превращаясь в ревуший пожар, так его пламенная проповедь собрала этот протестующий митинг, в котором, среди воздушных шариков, забавных плакатиков, шутейных прибауток и песенок, таился бунт.

– Иван, иди! Опять твой выход! – произнесла Елена, глядя обожающими глазами. – Ты гений, герой! Ты президент! Люблю тебя! – Она прижалась к нему, а потом легонько толкнула вперед, перекрестила.

Музыкант, задыхаясь, раздувая моржовые усы, проволок по эстраде гитару. Градобоев ринулся вперед, навстречу площади, которая, ахнув, приняла его в объятия. Сотрясая стебелек микрофона, он снова рыхлил толпу, кидал в нее раскаленные булыжники, и они шипели, погружались в гущу.

– Чегоданов считает вас трусливым стадом, которое можно запугать, разогнать бичами, приручить жалкой подачкой! Он сунет вам избирательные бюллетени, куда уже заранее внесено его имя! И вами вновь будут править воры, изуверы и негодяи! Но вы не стадо! Вы самые лучшие, умные, трудолюбивые люди России! У вас чистые руки и безупречная совесть! У вас воля к свободе и справедливости! И эта воля превратит в пепел фальшивые бюллетени, воровские счета в зарубежных банках, всю пиратскую власть Чегоданова! Сейчас он наблюдает за нами, сотрясаясь от страха и ненависти! Скажем ему: «Чегоданов, долой!»

Градобоев воздел кулак, рванул вниз, словно вырывал клочок неба. И площадь, стена, раскачиваясь, глухо и беспощадно вторила:

– Долой! Долой!

Над черными крышами, в меркнувшем небе, озаренный, дышал Кремль. Градобоев чувствовал его близость, его пленительную доступность. Кремль манил розовыми зубчатыми стенами, драгоценной белизной соборов, ослепительным золотом. В нем таилась загадочная грозная сила, сокровенный магнетизм княжеских и царских надгробий, расписных палат и блистательных залов. Кремль был вместилищем таинственных гулов, которые катились из века в век в угрюмых руслах истории. Был средоточием власти, чудовищной, непомерной, управлявшей континентом среди трех океанов. Градобоев жадно взирал на Кремль, стремился в него, знал, что войдет в него и займет свое место среди великих вождей и правителей. Ненавидел Чегоданова, мелкого и ничтожного, обманом захватившего священную обитель. Предвкушал, как выбьет его из дворца, станет гнать по винтовой лестнице на самый верх колокольни Ивана Великого, сбросит на брусчатку Ивановской площади под восторженный рев толпы:

– Долой! Долой!

Толпа была в его власти, радостно ему подчинялась. Он сотворил ее, собрал по крупицам, вдохнул в нее свой жар, наделил пламенной душой. Толпа ждала от него приказа, замороженно внимала рокотам его голоса, обожала его, видела в нем вождя. И мгновенная искусительная мысль, сладкое безумие, перебой сердца, когда в горле заклокотал, забурлил звук, готовый вырваться яростным воплем, грозным приказом – идти на Кремль. И толпа всей своей многотысячной мощью двинется вслед за ним, опрокидывая железные грузовики, втаптывая в асфальт пятнистые тела полицейских. Через Каменный мост, в полукруглую арку, навстречу пулеметам, ребристым бэтээрам, опадая окровавленными клубками, заливая черной магмой озаренные дворцовые залы.

Звук пробурлил и умолк. Градобоев отшатнулся от черты, которую кто-то провел перед ним стеклорезом. Ушел, качаясь, в глубину эстрады, откуда наблюдали за ним испуганные глаза влюбленной женщины.

– Ты настоящий рыцарь! Настоящий Иван Великий!

Теперь на эстраде танцевала панк-группа «Бешеные мартышки», три шаловливые плясуньи в разноцветных колготках. Их лица были размалеваны краской, из-под мини-юбок выплескивались хвосты. Они скакали, делали сальто, гибкие, верткие и смешливые.

Мы безумные мартышки,

У нас бритые подмышки.

Мы проворны и ловки,

У нас бритые лобки.

Чегоданов, Чегоданов,

Подари нам сто бананов.

Получи от нас привет,

Посмотри на свой портрет.

Танцовщицы задирали мини-юбки, выгибали спины, открывали выпуклые ягодицы, на которых был запечатлен портрет Чегоданова. Толпа свистела, хлопала, поощряла проказниц. А те скакали, ходили колесом, маленькие, гибкие, неутомимые.

Градобоев испытывал торжество. Он был властелин, кудесник, бесстрашный оппозиционер, который сумел разбудить сонные души, оттеснить утомленных и блеклых вождей оппозиции, нанести удар в самое сердце неповоротливой и ленивой власти. Пресыщенная, безнаказанная, власть собиралась в очередной раз праздновать победу над изнуренным и понурым народом. Теперь эта власть ошеломленно и тупо взирала, словно бык, получивший удар кувалдой. Со своими армиями и полицией, банками и корпорациями, ядовитыми телеканалами власть была бессильна перед легким нажатием клавиши, которая включала таинственную музыку, рассылала незримые позывные, собиравшие на площадь тысячи протестантов. И вот они, молодые и талантливые, веселые и непреклонные, явились, чтобы услышать своего кумира, показать ненавистным кремлевским зубцам свои стиснутые кулаки.

Градобоев почувствовал, как могучая и слепая стихия, веселая и страшная, упоительная и роковая, подхватила его и вынесла к микрофону, на самый обрез эстрады. Площадь взорвалась ликованием, замерцала бессчетными вспышками, заволновалась флагами. Он был любим, был долгожданный пророк, неподкупный и бесстрашный воитель.

- Настал наш час - час непокорных! Час бесстрашных! Час патриотов! Нам не нужен президент-землеройка, который подгрыз все живые корни страны! Нам не нужен президент-червяк, источивший волшебное яблоко русской жизни! Нам не нужен Чегоданов, который, как моль, проел все ткани народной жизни! Нам нужен другой президент!

- Гра-до-бо-ев! Гра-до-бо-ев! - ревела площадь.

Он чувствовал единение с тысячами обожавших его людей. Он чувствовал свою уникальность, неповторимость, свое предназначение, свою грозную и восхитительную миссию, которую возложила на него судьба. Он воздел кулак, обращая лицо к Кремлю:

– Чегоданов, ты слышишь меня? Выходи на бой! Я сорву с тебя твой черный пояс, и все увидят, что это корсет от грыжи!

– Гра-до-бо-ев! Гра-до-бо-ев! – грохотала площадь.

– Люди, верьте мне! Я пойду до конца! Поведу вас к победе! Мы соберем наш митинг на Ивановской площади и назовем имя нашего президента!

– Гра-до-бо-ев! Гра-до-бо-ев!

Он испытывал сладость и муку. Сердце стало огромным и любящим. В горле колокотали колокольные звоны. В глазницах копился свет. Он смотрел на темное московское небо, под которым сияли соборы Кремля, бежали огни по Каменному мосту, волновалась черная площадь. И в небе возникла серебристая точка. Малая лучистая звездочка. Приближалась, росла. Превращалась в бриллиант, который, как око, взирал на него из небес. Выбрал его единственного из миллионов людей, устремил на него свои божественные лучи.

Градобоев смотрел на бриллиант, зная, что это знамение, предсказывающее ему ослепительную судьбу.

– Гра-до-бо-ев! Гра-до-бо-ев! – ликовала площадь.

Он покинул эстраду. Окруженный охранниками, протиснулся сквозь толпу репортеров. Уселся в «мерседес», в теплый душистый салон, где ждала его любимая женщина. Поцеловал ее жадные жаркие губы.

ГЛАВА 2

Премьер-министр Федор Федорович Чегоданов, экс-президент и новый кандидат в президенты, решивший после четырехлетнего перерыва снова вернуться в Кремль, находился в своем кабинете в Доме Правительства. Когда-то, в кровавом октябре девяносто третьего, когда танки стреляли по осажденному Дому Советов, сюда, в кабинет, залетел снаряд и расплющил баррикадника, превратив его в огромную кровавую кляксу. Это кровавое пятно на стене

тщательно соскабливали, закрашивали, покрывали слоем белоснежных обоев. Но пятно упорно проступало, как тени испепеленных людей на фасадах Хиросимы.

Теперь, окруженный советниками, помощниками, членами избирательного штаба, Чегоданов наблюдал по монитору митинг на Болотной площади. Черная, казавшаяся необъятной, толпа колыхала знамена, плакаты, неистово и страстно скандировала:

- Гра-до-бо-ев! Гра-до-бо-ев!

Изображение на монитор поступало с вертолета, и открывалась вся устрашающая грандиозность митинга, переполненная площадь, набитые людьми набережная, окрестные улицы, Каменный мост с мерцающими огнями машин. Другие изображения приходили с телекамер, расставленных в разных местах площади, и тогда были видны молодые веселые лица, плакаты с карикатурами на Чегоданова, хлесткие надписи: «Вор должен сидеть не в Кремле, а в тюрьме», «Чегоданов – Магаданов», «Страна Чегодания». Телекамера нацеливалась на трибуну, где сильный, подвижный оратор мощно двигал спортивным телом, возносил кулак, выдыхал металлические рокошующие слова, от которых площадь плескалась, ходила ходуном, восторженно ревела.

Чегоданов сжал ручки кресла тонкими цепкими пальцами. Наклонил вперед заостренную, с редкими волосами голову. Стиснул губы трубочкой, как всегда в минуты душевного напряжения. Не мигая, выпуклыми голубыми глазами гипнотизировал монитор, стараясь поймать взгляд бушующего на эстраде оратора. Окружающие члены штаба сравнивали яростного тяжеловесного Градобоева с невысоким, изящным и легким Чегодановым. Упрямый, бычий напор оппозиционера с манерой Чегоданова тушеваться, уходить от прямых столкновений, уступать пространство сопернику, чтобы внезапно, со стороны, нанести ему разящий удар. Сравнивали молодой азарт и бесстрашие оппозиционера, его честолобивый натиск, огненное красноречие трибуна с вкрадчивой осторожностью Чегоданова, его нелюбовью к публичным выступлениям, которым он предпочитал ироничные высказывания в узком кругу журналистов.

Клокочущий на трибуне оратор вызывал в Чегоданове острую неприязнь, мучительную ревность, чувство опасности, с которой Чегоданов прежде не сталкивался и которую рождала черная гигантская толпа, бог весть откуда

взявшаяся. Казалось, ее выдавила из московских домов неведомая сила. Эта черная влажная мякоть была добыта из камня, переполняла площадь, как виноград переполняет давящую лозу. Происходящее ничем не напоминало прежние тщедушные митинги оппозиции, которые рассеивались малыми силами полиции. Все негодующие протестанты помещались в десяток полицейских фургонов. Явление этой громадной толпы было внезапным, ее не предвидели, о ней не предупредили спецслужбы, и Чегоданов чувствовал себя обманутым. Чувствовал загадочную реальность, перед которой были бессильны прежние, испытанные технологии. Появился противник, обладавший неизвестным оружием, превосходившим все, имевшиеся в арсенале, средства.

Глава Администрации Любашин, невысокий, печальный, в черном застегнутом пиджаке, негромко поговорил по телефону правительственной связи. Отвлёк Чегоданова:

– Федор Федорович, поступили замеры из городов-миллионников. Результаты неутешительны.

– Какие? – Чегоданов испытал большой перебой в сердце, готовясь услышать неприятное известие. Любашин, с черными сросшимися бровями и печальным смуглым лицом, напоминал агента из бюро ритуальных услуг. – Каковы результаты? – повторил Чегоданов, и все, присутствующие в кабинете, оторвались от экранов и прислушались.

– Ваш рейтинг, Федор Федорович, снизился с тридцати восьми процентов до тридцати шести. Рейтинг Градобоева подрос до шестнадцати процентов. Пока Градобоев, в любом случае, вам не соперник.

– Вы понимаете, что мы идем к катастрофе? – тихо, почти шепотом, произнес Чегоданов, с теми шелестящими интонациями, что напоминали едва уловимый свист бритвы. – Вы обещали мне шестьдесят процентов и победу в первом туре. Если Градобоев начнет ко мне приближаться, то все эти ручные животные, которые кормятся из моих рук, все эти дрессированные думские оппозиционеры сорвутся с цепей, объединятся и растерзают меня. Где ваши дутые политологи? Ваши фальшивые политехнологии, которые все лето гоняли меня по заповедникам и заставляли целовать в животы разных мохнатых зверушек? Вы действительно считаете, что русский народ – это народ-зверовод? А оказалось, что русский народ – это народ-градобой. Сколько людей на площади?

– Пятьдесят тысяч, Федор Федорович.

На экране толпа опять вскипела черными пузырями, скандируя:

– Гра-до-бо-ев! Гра-до-бо-ев!

Все удрученно молчали.

– Надо что-то делать! – нервно воскликнул глава предвыборного штаба режиссер Купатов. Он был вальяжен, лыс, с благородными усами, в клетчатом пиджаке и с шелковым шарфом на шее. Утонченный ценитель дорогих вин, красивых женщин, создатель нескольких ставших классическими кинофильмов, в которых героизм советских чекистов сменялся воспеванием златоглавой России, погубленной большевиками. Осуждение бандитской либеральной власти сочеталось с хвалебными одами в адрес кремлевских лидеров. В предвыборный штаб он был приглашен как уважаемая артистическая фигура, способная внести в политический театр яркие нетривиальные краски.

– Что вы предлагаете, Ярослав Аркадьевич? – тихо спросил Чегоданов.

– Ну, я не знаю. Ну, какое-нибудь встречное действие. Ну, может быть, митинг в Петербурге на Сенатской площади, у подножия Медного всадника. Ваше выступление. Чтобы возникла ассоциация с преобразователем России.

– Извините, Ярослав Аркадьевич, – тихо произнес Чегоданов. – Вы мыслите в системе советских театрализованных представлений. А сейчас не время массовиков-затейников, а эра Интернета. Побеждает тот, кто господствует в Интернете. Интернет взорвал Северную Африку, а теперь взрывает Россию. Этот разъяренный бык на Болотной – на самом деле изощренный технолог, господствующий в Интернете. Там создаются образы русского Ильи Муромца Градобоева и Соловья-разбойника Чегоданова.

Режиссер Купатов обиженно умолк. Отошел в угол кабинета и закурил трубку, выпуская душистый дым, мрачно сияя лысиной и оскорбленно шевеля усами.

– Разрешите, Федор Федорович, перейти к интернет-атакам. – Начальник Федеральной службы охраны Божок насмешливо посмотрел на режиссера

Купатова, только и умевшего, что выпускать из себя синий дым. Начальник охраны был высок, почти вдвое выше Чегоданова. У него мясистое, словно из сырого теста, лицо, белесые брови и маленькие синие глазки, то злые, то озорные, в зависимости от того, как падал на них свет. – Без Интернета и социальных сетей Градобоев как конь без яиц. Выведем из строя сайты либеральных радиостанций и телеканалов, и пусть они аукаются в пустоте.

– Ты хочешь, Петр Степанович, чтобы все блогеры мира предали меня анафеме? Чтобы Европарламент начал слушания о свободе слова в России? Ты полагаешь, это повысит мой рейтинг накануне выборов? – Чегоданов язвительно посмотрел на телохранителя снизу вверх, словно соизмерял крупные габариты его тела с мелкой, только что озвученной мыслью.

Божок проглотил обиду и, как верующий человек, поискав и не найдя в кабинете икону, перекрестился на крестовину окна, за которым угасала сырая лимонная заря, высилась черно-малиновая гостиница «Украина» и через мост, над стальной рекой, летели без усталости воспаленные огни.

– Федор Федорович, мне кажется, у нас нет оснований беспокоиться за результаты голосования, – степенно заметил председатель центральной избирательной комиссии Погребец, с крупным лбом, металлической бородой, чем-то похожий на старообрядца. – Важно не кто голосует, а кто считает. Обещаю, мы натянем нужный процент, несмотря на веб-камеры, орды наблюдателей и прозрачные урны.

Чегоданов внимательно посмотрел в серые спокойные глаза председателя, стараясь углядеть в них мимолетную искру вероломства. Но взгляд оставался чистым, спокойным и преданным, и Чегоданов с мягкой иронией заметил:

– Вы, Сергей Артамонович, являетесь главным стратегом битвы, которую нам предстоит выиграть. И достойны самого высокого полководческого ордена. Но слишком большой разрыв между истинными и мнимыми цифрами выявляется с помощью современных математических средств. Градобоев объявляет выборы фальшивыми, президента нелегитимным, а это и есть момент безвластия, к которому ведут все «оранжевые» революции, будь то Сербия, Грузия или Украина.

Погребец промолчал, спокойный, с величественной старообрядческой бородой, хранитель сверхмощного оружия власти, которое, он знал, рано или поздно будет пущено в ход.

– А не проще ли, Федор Федорович, – вмешался министр внутренних дел Закиров, генерал, чьи погоны с четырьмя звездами напоминали ванночки с уложенными в них морепродуктами, – не проще ли, не дожидаясь критического момента, ликвидировать подобные митинги? Вверенные мне подразделения разработали соответствующую тактику. Мы, при вашей поддержке, обзавелись современными спецсредствами. Наша агентура успешно работает во всех оппозиционных организациях. Можно спровоцировать беспорядки, что даст нам право применить силу. Все эти разговоры о «софт пауэр» хороши до поры до времени, пока не наступает потребность в «харт пауэр».

– Отдаю должное, Руслан Ахметович, вашей осведомленности в политологических категориях. Ваша стажировка в Соединенных Штатах пошла вам впрок. Но вы должны знать, что в «оранжевых» революциях столкновение с полицией или армией – желанный момент, после чего мировые телеагентства показывают бойню в районе Кремля, пробитые головы демонстрантов, десяток убитых мужчин и женщин, и тогда Чегоданов объявляется палачом, от него отворачивается мир, и миллионы восставших устремляются в Кремль его свергать.

За всем, происходящим в кабинете, чутко наблюдала молодая красивая женщина с черными, блестящими, как стекло, волосами. Ее глаза вздрагивали радостным блеском, когда Чегоданов осаживал очередного советчика. Ноздри трепетали негодованием, когда звучал очередной несостоятельный совет. Малиновые губы что-то шептали, когда говорил Чегоданов, и казалось, что она подсказывает ему нужные слова. Белые длиннопалые руки, усыпанные перстнями, ласкали одна другую, словно она возбуждала себя этими касаниями. Ее звали Клара, она входила в близкий круг Чегоданова, но не имела определенного статуса. Ее считали чародейкой, обольстившей Чегоданова своими чарами, влиявшими на принятие важных решений.

Все смотрели на экран, где тонконогие плясуньи скакали по эстраде, пели срамные куплеты, бесстыдно крутили ягодицами с портретом Чегоданова.

– Надо отложить выборы. – Начальник охраны Божок принялся нервно ходить по кабинету, раздражаясь бессовестным зрелищем, на которое был бессилен

воздействовать. – Авария на АЭС, или прорыв волжской дамбы, или покушение на президента. Нельзя допускать выборы в условиях падения вашей популярности, Федор Федорович!

Чегоданов посмотрел на него исподлобья злым, волчьим взглядом, от которого телохранитель ссутулился, издал звук, похожий на тихий визг, и стал креститься на оконную раму с черно-фиолетовой громадой гостиницы.

– В конце концов, – министр внутренних дел Закиров пришел на помощь своему посрамленному коллеге, – если этого Градобоева не удастся остановить политическим путем, его может остановить дорожно-транспортное происшествие или финка какого-нибудь кавказца, которого мы станем судить открытым всенародным судом.

Все тот же волчий, угрюмый взгляд синих, вдруг потемневших глаз заставил министра сжаться, отчего звезды на его погонах зашевелились, как ожившие моллюски.

Толпа на экране рябила плакатами, флагами, тряпичными чучелами Чегоданова, рисунками, где, трусливо озираясь, Чегоданов тащил на плече куль наворованных денег. Все это видел Чегоданов, испытывая болезненное недоумение, мстительную неприязнь к людям, которые еще недавно обожали его, славили, складывали в его честь верноподданнические песенки, демонстрировали преданность и любовь. Он привык, что ему рукоплескали при появлении на публике. Что во время телемостов ему задавали комплиментарные вопросы. Что женщины писали ему любовные письма. Что ведущие издания мира нарекали его «Человеком года». Что на выборах он побеждал с заоблачным превосходством. И в сознании народа утвердился его образ спасителя Отечества, победителя в кровавой кавказской войне, укротителя еврейских олигархов. Что же случилось? Когда покачнулось вероломное общественное мнение? Когда народ отказал ему в любви? С какого момента, с какой нелепой пиар-акции он вдруг стал сначала смешным, потом раздражающим, а теперь ненавистным? Быть может, с момента, когда, покидая Кремль после второго президентского срока, он поставил вместо себя мнимого президента Стоцкого, управляя послушной марионеткой? Или когда во время кризиса, спасая банки-банкроты, насытил деньгами одних, забыв о других, и эти, забытые и обиженные, начали спонсировать оппозицию, создавать телеканалы, радиостанции и газеты, демонизирующие его, Чегоданова?

Сцена на Болотной, озаренная прожекторами, парила над сумеречной площадью. Казалась фантастическим ковчегом, спустившимся из осеннего неба в центре Москвы. Этот ковчег доставил на землю загадочного пришельца, чтобы тот отнял у Чегоданова власть. Мощно и яростно Градобоев возносил кулак, издавал громогласные рокоты, и толпа заколдованно и восторженно вторила пришельцу.

– Чегоданов вцепился во власть, как клещ, набряк русской кровушкой, но все не может отпасть! Мы поможем ему! Его власть превратится в дым, который вьется над трубкой смехотворного режиссера Купатова. Все его прихвостни, миллиардеры, чекисты, вороватые чиновники, телохранители, все эти Любашины, Погребцы и Божки сбегут от него, и он останется один, голый и жалкий, перед лицом разгневанного народа! – Градобоев умолк, и Чегоданов почувствовал, что с экрана на него устремлены насмешливые беспощадные глаза. – Чегоданов, я знаю, ты слышишь меня! Ты видишь меня! Посмотри мне прямо в глаза!

Лицо Градобоева увеличилось, заняв экран. Чегоданов видел его сильные, широкие скулы, бычий лоб и яростные немигающие глаза. Блестящие белки, черные зрачки, которые, как раскаленные спицы, пронзали Чегоданова... Он вдруг испытал ужас, темную неодолимую бесконечность, которая открылась в глазах ненавидящего человека. Потрясенный, отвернулся от монитора.

Послышалось легкое похохатывание, щелканье каблучков. В кабинете появился президент Валентин Лаврентьевич Стоцкий. Его голова с выпуклыми влажными глазами, сытыми щеками и вьющимися приглаженными волосами была слишком велика для маленького изящного тела и делала всю его фигуру неустойчивой, шаткой. На нем был щегольской костюм, изысканный галстук, носки туфель слегка загибались, и было что-то мальчишеское в его щегольстве и что-то карикатурное в непропорциональном сложении. Он появился внезапно и своим жизнерадостным видом нарушил общую тревогу и подавленность. Приблизился к Чегоданову, небрежно положил руку ему на плечо, насмешливо уставился на экран.

– Птичий базар! Кулики на болоте! А эта птица покрупнее кулика! – Он весело вслушивался в слова Градобоева, который грозил вынести Чегоданова из Кремля.

Чегоданов раздраженно повел плечом, стряхивая руку Стоцкого. Ему почудилось злорадство в словах президента, которому нравилось слушать, как хулят Чегоданова. Весь его легкомысленный вид, повадки плейбоя, сияющие выпуклые глаза казались оскорбительными Чегоданову в этот тревожный, грозный момент. Мир начинал колебаться, власть ускользала, и внезапно появился опасный враг, который собирал вокруг себя все больше сторонников.

– Им не откажешь в остроумии. – Стоцкий не замечал раздражения Чегоданова. Со смехом рассматривал плакатик, на котором Чегоданов, вооруженный гаечным ключом, завинчивал гайку на лбу несчастного интеллигента.

Все вскипело в Чегоданове. Все было неприятно, почти отвратительно в Стоцком. Мучительный клубок сомнений и подозрений зашевелился в душе. Мнительность и ожидание вероломства проснулись в нем. Обнажились весь риск и опасность интриги, связанной с выдвижением в президенты Стоцкого, когда у Чегоданова истек второй президентский срок и Конституция возбраняла избираться на третий. Тогда, убоявшись западных ненавистников, не желая прослыть узурпатором, он вверил власть своему приближенному, полагаясь на его верность и преданность, веря, что через четыре года тот вернет ему власть. С того момента, когда Чегоданов отступил на второй план и возглавил правительство, он не ведал покоя. Ждал президентского указа, которым Стоцкий вышвырнет его из политики. Следил за либералами, которых принимал под свое крыло Стоцкий. Читал донесения агентуры, в которых передавалось содержание тайных переговоров Стоцкого с лидерами Америки и Европы. Все это теперь вскипело в нем, и страхи, исходящие с Болотной, слились с мучительными страхами в ожидании предательства Стоцкого.

Но Стоцкий, в своем инфантильном самодовольстве, не замечал состояний друга.

– Да, кстати, хотел тебе сообщить. Вчера у меня состоялся телефонный разговор с нашей германской подругой. Она просила пересмотреть некоторые контракты, связанные с нефтью и сталью.

– Как ты сказал? Вчера? – глухо переспросил Чегоданов.

– Ну да, вчера. – Стоцкий, улыбаясь, смотрел, как над площадью поднимается воздушный шарик с надписью: «Я – Чегоданов».

– Почему, если разговор состоялся вчера, ты докладываешь мне об этом сегодня?

– Извини, забыл, – удивился Стоцкий. – Были встречи с лидерами думских фракций. Потом глава Ингушетии, правозащитники из «Мемориала». Вечером пел Элтон Джон, я думал, ты приедешь, и я тебе доложу.

– Ты что, считаешь меня политической пешкой, с которой больше не нужно считаться? – с тихим, свистящим дыханием произнес Чегоданов, и Стоцкий, уловив этот знакомый свистящий звук, изумленно взглянул на Чегоданова:

– Федор, что ты! Я действительно забыл! Не хотел беспокоить! Повод ничтожный!

– Ты фазан с фальшивым хвостом! Упиваешься властью! Возомнил себя президентом! Говорил американскому послу, этому иудею из Висконти, что одним взмахом пера отправишь меня в отставку и избавишь обе наших страны от чекистского последыша!

– Федор, не было этого! Нас просто хотят поссорить!

– Тайно встречался с этим глистом, который тратит свои миллиарды на болотную гниль! Если выборы вызовут волнения, ты признаешь их нелегитимными, назначишь перевыборы, где я не буду значиться, и ты выдвинешь свою кандидатуру? И тебя поддержит вся эта болотная тина?

– Федор, побойся Бога! Кто-то вбивает между нами клин! – Стоцкий посмотрел в сторону начальника охраны Божка, который остро и весело наблюдал разгоравшуюся ссору.

– А эта твоя плоскогрудая вобла, пресс-секретарша, оплачивает статьи в либеральных газетах, где меня называют «палачом Чечни» и «российским Пиночетом»!

Стоцкий покраснел, его выпуклые глаза слезно заблестели, ляжка нервно дергалась, и этот тик, красный цвет пухлых дрожащих щек, выпуклые, воловьи глаза вызывали в Чегоданове ярость. Он чувствовал, как размыкается в груди

обруч, в котором он умел удерживать свой нрав, свои тайные страсти, всплески эмоций. В грудь входит косматое, с огненной гривой чудовище, и лютый гнев начинает хлестать, как кровь из разорванной аорты.

- Ты думаешь, ты президент? Думаешь, мир видит в тебе президента? Ты - дутыш, тряпичная кукла, манекен, восковая фигура! Ты фальшивая купюра, подсадная утка, моя маска, моя перчатка, мой носовой платок! Я сморкаюсь в тебя, а ты терпишь! Уроню тебя, и никто не подберет! Ты интересен миру, как дурацкий клоун, как карикатура на власть. В русскую историю ты войдешь как жалкий скоморох, опошливший само понятие власти, ее тайну, ее священную сущность! Поколения русских людей будут смеяться над тобой, и ты будешь отвратительней Лжедмитрия!

Чегоданов оскорблял Стоцкого, прилюдно унижал, топтал его гордыню, хотел, чтобы тот взорвался, кинулся на него с кулаками. Но Стоцкий жалко трепетал, лицо становилось смертельно бледным, краснота щек уходила к подбородку, на шею, утекала вниз за ворот рубахи. И эта жалкая униженность, безответная робость распалили Чегоданова. Косматый гнев бушевал, танцевал в груди, и казалось, во рту, из которого излетали оскорбления, пышет огромная паяльная лампа, жжет и пытается Стоцкого.

- Я слепил тебя из папье-маше! Нарисовал тебе рот и глаза! Из тряпочек сшил тебе костюм! Придумал тебе имя! Ты держись на моих винтиках, дергаешься на моих веревочках! Вывинчу винтик, разорву веревочку, и ты рассыплешься на лоскуточки и щепочки! Ты меня слышишь? Ты не президент, а бумажка! Ты слышишь меня, бумажка?

Чегоданов хохотал, кричал, топал ногами, надвигался на Стоцкого, и все, кто был в кабинете, отпрянули, забились в углы. Смотрели, как за спиной Чегоданова на белой стене проступает красная клякса. Отпечаток убитого баррикадника, расплющенного выстрелом танка. Чегоданов уставился на ужасный оттиск, испытывая смертельную немощь, опустошенность, словно косматое существо оставило его, унеся все душевные силы. Он был рыбой, из которой вынули внутренности и которая вяло колыхалась в воде.

- Прости, - едва слышно пролепетал, обращаясь к Стоцкому. - Это не я. Это бес в меня вселился.

Все покидали кабинет. Режиссер Купатов выронил трубку, и она осталась лежать на полу, источая голубой дымок.

– Останься, – сказал Чегоданов Кларе, беря ее за руку. Смотрел, как меркнет сочное пятно на стене.

ГЛАВА 3

В соседней с кабинетом комнате Чегоданов лежал на диване, а Клара сидела у него в головах и чуткими пальцами водила по его лбу, бровям, переносице, гладила темя, массировала, сдавливала. словно лепила ему другое лицо, рисовала неведомые знаки и письма. Чегоданов замер от этих нежных настойчивых прикосновений. Был весь в ее власти, отрекался от собственной воли, избавлялся от мучительных раздумий, подозрений и страхов. Эта прелестная восточная женщина с низким бархатным голосом, душистыми волосами, мерцающими полузакрытыми глазами таинственно и неслышно овладела им. Окружила своими предсказаниями, гороскопами, начертаниями звезд и планет. Своим жемчужным лицом, переливами удлинённых глаз, загадочными стихами, взятыми из неведомых рукописей и пергаментов. Она казалась древней жрицей, хранительницей заповедных знаний, явилась к нему из ночного звездного неба, из юношеских волшебных мечтаний.

Теперь она гладила его лоб, словно разгребала тяжкие темные ворохи недавних огорчений. Так разгребают груды опавшей листвы, отыскивая под ними уцелевший цветок. Так перелистывают полуистлевшие блеклые страницы, внезапно открывая драгоценную буквицу.

И не было черной клокочущей площади, ненавидящих насмешливых лиц, яростных глаз Градобоева, нелепой трубки Купатова, жестоких губ телохранителя Божка, предательского лика президента Стоцкого. А была та чудесная опушка и куст чертополоха с пучком сухого соцветия, из которого теплый ветер вырывал летучие семена. И они, как прозрачные лучистые звезды с крохотной сердцевинкой, летели по ветру. И он, мальчик, бежал за летучим семечком сквозь заросли желтой пижмы, сквозь розовые лесные герани, распугивая бабочек, сбивая с соцветий бронзовых жуков. Желал догнать это семечко, рассмотреть крохотное темное ядрышко, в котором, по словам его

деревенской бабушки, находился образок Богородицы. Семечко взмыло, вспыхнуло на солнце и кануло, а он остался стоять с ощущением неразгаданной тайны, в предчувствии своей будущей загадочной жизни. Знал, что запомнит это мгновение, сбережет до последних дней эту восхитительную сладость и боль.

– Колдунья, – Чегоданов вернулся в явь из чудесного обморока, – что ты мне нагадаешь? Что говорят твои звезды? Что показывают твои карты? Неужели мое время прошло? Меня обожали, передо мною заискивали, моим именем называли детей, обо мне слагали песни, девушки мечтали родить от меня ребенка. Я выиграл войну, усмирив чеченцев. Я сохранил страну, от которой стали отваливаться Поволжье, Урал и Приморье. Я накормил народ, посадил его на иномарки, создал этот сытый, нарядный, свободный средний класс, который теперь выходит на площадь и хочет меня повесить. Моя популярность утекает сквозь невидимую течь, и скоро я уподоблюсь моему предшественнику, в которого плевали, как в мусорную урну. Не понимаю, что случилось. Неужели я проиграю выборы и этот выскочка Градобоев отнимет у меня приверженность народа?

Чегоданов завел руки за голову, коснулся шелковистого платья, провел ладонью по круглому колену, касаясь теплого тела. Это тело было желанным, послушным, принадлежало ему среди вероломного, лживого мира, служило утешением и отрадой.

– Ты победишь, мой любимый. Как всегда побеждал, потому что имя твое – Победитель. Все звезды говорят о твоей победе. Тебя охраняют Уран и Марс, а Юпитер ведет тебя к триумфу. Ты – космический цветок, который приплыл из Космоса, чтобы преобразить землю, спасти ее от иссушающих засух и беспощадных пожаров, от кровавых смут и разрушительных войн. Ты – цветок, с которого опадают серебряные лепестки и появляются золотые. Такие цветы вырастают раз в тысячу лет в саду небесного фараона. И за такими цветками ухаживают волшебные садовницы и небесные жрицы. Я твоя садовница и жрица. Вдыхаю твой аромат, целую твои золотые лепестки...

Все это Клара говорила низким бархатным голосом, нараспев, словно читала письма, начертанные на пергаменте. У Чегоданова туманились глаза, и он опять погружался в сладкий обморок.

– Может быть, Господь от меня отвернулся? Может быть, я не угадал его замысел и действовал против Его воли? Может быть, Господь нашел другого, кто

выполнит Его волю? Может быть, мне нужно смириться и уступить?

– Ты мой червовый король, увенчанный победной порфирой. И рядом с тобой волшебная дама треф, ведущая тебя в золотой дворец. А твой соперник – бубновый валет, и бубновая дама держит его за руку и ведет в черную бездну. Жемчужная змея и коралловый дракон меняют кожу, отсюда твои сомнения. Ты вернешься в золотой дворец, окруженный алой стеной, и на каждом зубце этой алой стены восседает дух, охраняющий твою Победу. Твоя судьба связана с Божественной тайной. Тебе предначертаны великие деяния, о которых говорят звезды и карты. Мои гадания сулят тебе триумфальное будущее.

Ее бархатный голос завораживал. Ее шелковые пальцы летали над его лицом, и от них оставалось свечение, словно в воздухе трепетала золотая пыльца. Чегоданов грезил наяву, испытывал к ней благодарность, безграничное доверие. Среди коварных льстецов, верноподданных глупцов, затаившихся врагов и обманщиков она была единственная, кто чувствовал его страхи, тайные вожделения, необоримое стремление к власти и робкую тоскливую немощь.

– Ты права, я чувствую свою избранность, чувствую над собой длань Божью. У меня бывают видения, бывают указания свыше, уберегающие меня от гибели. Но я не могу угадать, чего от меня хочет Творец. За что Он дал мне власть над страной, которой раньше правили великие цари и вожди.

– Ты слушай Вселенную, и найдешь ответ. Ответ в древесной коре, в крыле синей сойки, в блянии овцы, в слезах святого старца.

Ее тонкий палец чертил у него на лбу таинственные вензеля, невидимые овалы и кольца. Слово солнце играло на воде, погружая в дремотную память золотые иероглифы. И в памяти загорались видения, вызванные ее вещими прикосновениями.

– Было дерево, из которого явилось знамение, – говорил он чуть слышно, погруженный в наркотический сон. – Тогда, в Германии, где я служил офицером разведки. Уже все завершалось, все рушилось. Была сломана Берлинская стена, и западные и восточные немцы братались на берегу Шпрее, у моста с золотыми валькириями. Уже в панике покидала Германию Западная группа войск, на эшелоны грузили танки, бросали амуницию, склады. Армия, которая должна была пройти за три дня до Пиренеев, пробить насквозь Апеннины, теперь

отступала под свисты и улюлюканье. Я понимал, что все было кончено. Приехал в Потсдам, где у меня была встреча с офицером Штази. Я видел в его глазах молчаливый укор, обвинение в предательстве, и это было невыносимо. После встречи я отправился в Сан-Суси, в сырой весенний парк с желтевшими сквозь голые липы дворцами. Не было ни одного посетителя, была тишина и безлюдье, как будто жизнь покинула эту землю, где царила бесконечная печаль. Я испытывал бессилие, меня мучили болезненные предчувствия, ощущение близкой неизбежной беды. Я бродил по парку, где из сырой земли пробивались крокусы. Набрел на поваленную старую липу с морщинистой корой. Лег на ствол и, чувствуя запах распиленного дерева, мокрой земли, чуть слышный аромат цветов, заснул, желая укрыться в сон от своих мучительных переживаний. Очнулся, будто кто-то коснулся меня перстом. Не было уныния, а была бодрая радость, восхищение. Я чувствовал, что мир, который на глазах разрушался, освобождает место другому миру, в котором мне уготована великая роль. Начинается мое время, меня ждет триумф. Я обнял поваленную липу и поцеловал его ветхую кору. Так в Потсдаме я услышал голос древесной коры.

Клара гладила его лоб, словно втирала волшебные мази, таинственные эликсиры. Ему казалось, что в память его погружается серебристая спираль, издавая чуть слышный звон.

– Слушай Вселенную, и узнаешь ответ. Ответ на крыле синей сойки. Оно же крыло самолета.

– Верно, верно, было крыло самолета, – отзывался он на ее волхования. – После Германии, когда рухнул Союз, я не находил себе места. Мыкался без дела, перебивался с хлеба на воду. Меня взял на работу мэр Ленинграда Ягайло, который уже задумал переименовать его в Санкт-Петербург. Это был яркий человек и пустой. Чрезвычайно деятельный и никчемный. Сыпал проектами и планами, и каждый из них был химерой. Я, как мог, помогал ему, снабжал город продовольствием и медикаментами, пополнял бюджет, выполнял его личные поручения, иногда весьма сомнительные и рискованные. Он доверял мне, приглашал к себе в дом. Его жена, взбалмошная и похотливая, уже отхватила квартиру в лучшем доме на Фонтанке, где раньше жил князь Львов. Она скупала бриллианты, изменяла мужу направо и налево, а я сажал к себе на колени их резвую девчущку Паолу, одаривал ее колечками, заморскими часиками, и она души во мне не чаяла. Мэр Ягайло своей никчемной болтливостью, своим бездарным управлением, своими связями с бандитским Петербургом настолько надоел горожанам, что они переизбрали его, а новый губернатор возбудил

против него уголовное дело. Ему грозила тюрьма, все от него отвернулись, и он являл собой жалкое зрелище. Я тоже хотел было его бросить, отмыться от репутации его помощника и приверженца. Но офицерская этика не позволила мне это сделать. Я на свои деньги нанял самолет, открыл ему «окно» на границе и вывез в Париж. Сидел у иллюминатора, слушал его никчемный лепет, смотрел на белое крыло самолета и думал, зачем я с ним связался. И вдруг словно кто-то шепнул мне: «Ты поступил по заповеди. Благодетелей не бросают. Ты будешь вознагражден». Крыло самолета дрогнуло, и я испытал радостный испуг. Значит, было крыло самолета!

– Слушай Вселенную, и услышишь ответ в блянии овцы. – Клара нежно сжимала мочки его ушей, и он чувствовал, как из-под ее пальцев летят бесшумные зарницы, озаряют все недвижимое, послушное его воле тело.

– Было бляние овцы. – Он удивлялся, почему прежде, среди множества событий и поступков, из которых состояла его беспокойная жизнь, он не замечал мгновений, менявших его жизненный путь. Пропускал знамения, через которые открывалось будущее. Зарницы, слетающие с пальцев колдуньи, озаряли эти мгновения. – Я поселил незадачливого мэра в Париже, обеспечив ему достойное содержание. Вернулся в Россию, и меня подхватил вихрь неожиданных перемен. Мне явился могущественный олигарх, имевший огромное влияние на президента. Он и был овцой с бляющим голосом, с узкой, овечьей головой и библейскими глазами под узким лбом, переходящим в желтоватую лысину. Он сказал, что давно наблюдает за мной. Убедился, что я не предаю благодетеля. Что на меня можно положиться, а моя работа в разведке предполагает государственное мышление, столь редкое в эпоху перемен. Он берет меня под свое покровительство и обеспечивает мне стремительную фантастическую карьеру, о вершине которой я не догадываюсь. Все это он говорил, заикаясь, бляющим голосом вещей овцы, и с этой минуты меня словно подхватили невидимые руки, переноса в Администрацию президента, в управление делами, в ФСБ, мое родное заведение, где еще служили мои бывшие начальники. Президент между тем дряхлел, ему отказывало сердце, он стремительно терял популярность. Все говорило, что ему придется отречься от власти. И вот олигарх пригласил меня в свой знаменитый Дом приемов на Новокузнецкой и все тем же бляющим голосом вкрадчивой овцы предложил мне стать президентом. Я помню, как вдруг затуманилось окно, по которому стучал дождь. Как колыхнулось красное вино в хрустальном бокале. Как вдруг расширились и стали лиловыми, словно ночное небо, глаза олигарха. Я почувствовал себя на тонкой струне, натянутой в этом бездонном небе, струна дрожала, я готов был упасть, и кто-то невидимый поддерживал меня на этой зыбкой струне.

«Согласен», – почти беззвучно произнес я и услышал в ответ блеяние библейской овцы. Что это значило? Кто поддерживал меня на струне? За что мне дана эта власть? Что меня ждет впереди?

– Слушай Вселенную, и услышишь ответ. Найдешь его в слезах святого старца. – Клара тихо дула ему на лоб, и у него под веками золотилось солнечное поле пшеницы, на которое с неба падал теплый ветер. Раздувал колосья, раздвигал до земли, и открывался крохотный, притаившийся василек, дивный синий цветок, который вырастал из его сердца и в котором пряталась тайна его бытия, загадка его появления на свет, неразгаданный смысл его судьбы.

– После того как я разгромил Масхадова, и прилетел в Грозный на боевом самолете, и стал любимцем народа и непревзойденным лидером России, я все чаще задавался вопросом: за что мне такое? Почему судьба выбрала именно меня? И я решил отправиться к чудесному старцу Иоанну Крестьянкину, который проживал в келье Псково-Печерского монастыря. Монастырь был прекрасен, на дне глубокого оврага, окруженный крепостной стеной, с множеством голубых и золотых куполов, которые напоминали чашки сервиза. Меня привели в келью. Старец был немощен, с белой, легкой, как пух, бородой. Едва сидел в потертом креслице. Я подошел под благословение, поцеловал его холодную, костлявую руку. Спросил, что мне готовит судьба. Что должен я совершить, став правителем России. Старец молчал, мигал голубыми глазками, а потом вдруг заплакал, притянул мою голову и поцеловал в лоб. Так до сих пор и не знаю, что он угадал про меня.

Чегоданов поднялся с дивана, обожженный воспоминанием, словно до сих пор на лице горели слезы старца.

– В чем моя ошибка? Где я просчитался? Я создал миллиардеров, дав им на откуп русскую нефть, русский лес и алмазы, а они изменили мне, финансируют эту свирепую площадь и этого выскочку Градобоева. Я создал этот средний класс, одел в норковые шубы, посадил на дорогие машины, поселил в престижные особняки, а они ненавидят меня, требуют моего свержения. Эта девчонка Паола Ягайло, дочь петербургского мэра, которая сидела у меня на коленях и которую я опекал, сделал звездой шоу-бизнеса, – она проклинает меня. В чем я ошибся?

– Тебе нужен не вещий старец, а верный друг и советчик. – Клара откинула свои черные стеклянные волосы, открыв белоснежную шею.

- Они называют меня вором. Ищут мои счета в банках Гонконга и Цюриха. Считают число построенных мною дворцов. Но разве они знают, что все эти накопления составляют мой тайный фонд, который я потрачу в момент национальной беды, верну народу в час несчастья? В моих дворцах будут жить сироты и инвалиды войны, которую придется пережить России. Разве они знают об этом?

- Тебе нужен верный друг и советчик, который тебе поможет.

- Сейчас они бушуют на площади, совещаются с американским послом, ездят за границу за деньгами и консультациями. Но если они придут к власти, Россию рассекут на несколько частей и отдадут под эгиду иностранных корпораций и банков. Россию лишат ядерного оружия, уничтожат все ракеты, и навсегда исчезнет свободный русский народ и страна под именем Россия. Они этого хотят, сбесившиеся клерки и шоумены?

- Рядом с тобой должен быть друг и советчик, способный разгадать политический ребус. Узел затянут, но не время его рубить. Его еще можно распутать.

- Кто этот друг и советчик? Может быть, напыщенный, как индюк, режиссер со своей фальшивой сталинской трубкой? Или полицейский, который тайно, пять раз в день, опускается на молитвенный коврик? Или преданный, верный шулер, ловко считающий фальшивые голоса в урнах с двойным дном? Ты же видишь, что кругом предатели и тупицы. Где тот друг и советник?

- Это Бекетов.

Чегоданов изумленно умолк, глядя, как Клара пропускает сквозь свои жемчужные пальцы стеклянные струи волос. Спокойное сероглазое лицо с тонкой переносицей и сухими губами, сжатыми так, словно они не договорили какую-то важную фразу, возникло перед ним. Лицо его прежнего советника Бекетова, от которого он отказался, и тот исчез, как исчезает в ссылке опальный придворный, - это лицо появилось на миг, породив беспокойство и отторжение.

- Почему Бекетов? Ты ведь знаешь, что мы разошлись.

– Вы не разошлись. Ты отвернулся от него, и он покинул тебя. Живет вдалеке от Москвы в каком-то захолустном городке, тоскует не у дел, а здесь, вокруг тебя, копится зло.

– Он слишком много знал обо мне. Имел слишком много власти. Знал, как устроена власть. Умел этой властью пользоваться. Он мог искуситься, воспользоваться тайными инструментами власти и направить их против меня. Мне казалось, он был не прочь стать президентом.

– Это наветы. Тебе нашептали ревнивцы и подленькие интриганы. Этот круглолицый, как евнух, Божок. Он подсовывает тебе своих агентов, безмозглых тупиц и доносчиков, а всех талантливых и дееспособных удаляет от тебя. Верни Бекетова.

– Он не любит меня.

– Он не любит тебя, но никогда не предаст. Он одержим одной идеей – сберечь государство. Он служит тебе и в твоём лице государству.

– Не знаю, так ли он умен и дееспособен. Он был хорош несколько лет назад, многое ему удавалось. Он мастер аппаратной интриги. Мастер философской риторики. Певец русского мессианства. Но теперь другая реальность. Народ сбесился, бушует на улице. Его не унять хитроумной придворной интригой или поэтической проповедью. Пора готовить войска. Ставить на кремлевских зубцах пулеметы!

– Бекетов обладает таинственным знанием. Поверь мне, я чувствую в человеке присутствие магических сил. Бекетов ощущает время как движение множества потоков, которые текут из прошлого, с разной скоростью, разной прозрачностью, как поверхностные или донные струи реки, ее воронки, протуберанцы и завихрения. Он играет этими потоками, одни останавливает, другие ускоряет, смешивает, обращает вспять. Он управляет рекой времени. А это и есть высшая политика, недоступная твоим придворным политологам и интриганам. Прошу тебя, верни Бекетова. Тебе не нужно будет приводить в готовность войска. Бекетов усмирит сбесившийся народ, направит реку времени в безопасное русло.

– Не знаю, не уверен, что ты права.

Он испытывал изнеможение, нежелание думать о черной стихии, которая бушевала вокруг. Била в стекла кабинета. Ударяла в стены загородной виллы, обнесенной тройным кольцом защиты. Вставала на пути несущегося с бешеной скоростью «мерседеса», окруженного лиловыми вспышками. Возносилась чернильной тучей, в которую влетал его белоснежный самолет. Ему хотелось погрузиться в медовую сладость ее прикосновений, в стеклянный блеск ее душистых волос, в шелесты ее шелкового платья с глубоким вырезом, в котором волновались ее жемчужные груди.

Он закрыл глаза и на ощупь, как блаженный слепой, стал перебирать складки ее платья, отыскивая ряд маленьких шаровидных пуговиц, похожих на вишенки. Одну за другой расстегивал их, словно обирал вишневое дерево, угадывая ее улыбающиеся губы. Расстегнул все вишенки до одной и распахнул платье, ощутив лицом благоухающее тепло ее тела. Медленно, слепо и сладостно приблизил губы и целовал ее послушную наготу, чувствуя, как прохладное плечо переходит в душный жар подмышки, как волны дышащего живота сменяются едва ощутимым биением жилки на гладком бедре. Каждый его поцелуй оставлял на ее коже нежное свечение, которое несколько мгновений трепетало и гасло, как гаснет ночное море, наполненное таинственным светом. Он целовал ее ноги, чуткий живот, вьющийся теплый лобок. Ему было чудесно. Он был садовник в заповедном саду. От его поцелуев распускался дивный бутон, увеличивались сочные лепестки, и он погружал пьющие ненасытные губы в медовую сердцевину, пьянея, как шмель. Цветок увеличивался, лепестки становились огромными, сердцевина наполнялась огненным золотом, которое переливалось в него, и он плавился в этом нестерпимом свете, пропадал, счастливо умирал, оглашая мир прощальным воплем. Осыпался невесомым пеплом.

Медленно обретал плоть, дыхание, зрение. Клара смотрела на него улыбаясь. Нехотя продевала пуговицы в петельки застежки.

– Я услышал тебя. Верну Бекетова. – Чегоданов затягивал узел галстука, направлялся в кабинет, где его поджидал пресс-секретарь.

ГЛАВА 4

Андрей Алексеевич Бекетов, сорокалетний шатен с чистым лбом и платиновой сединой на висках, имел блестящие живые глаза, которыми спокойно и доброжелательно смотрел на собеседника. Но вдруг глаза начинали плавиться, как синий лед на солнце, в них открывалась пугающая глубина, откуда смотрели неземные миры с их ужасной тьмой, отчего собеседник приближался к обмороку. Это длилось мгновение, и опять смотрели живые блестящие глаза, полные ума и внимания. А бывало, что в самый разгар беседы глаза Бекетова загорались таинственным восторгом. Начинали смотреть поверх собеседника, как смотрят на зарю или на далекий синий лес, над которым встает белое дивное облако. Но и это длилось мгновение, после чего Бекетов возвращался к беседе, и только легкий румянец говорил о пережитом восторге.

После своей размолвки с Чегодановым, у которого оба президентских срока состоял советником, Бекетов покинул Кремль и исчез из Москвы, не оставив по себе следов и известий, что породило немало слухов. Журналисты желтых газет писали, что он женился на английской баронессе и живет в замке в предместье Лондона. Другие утверждали, что видели его на автосалоне в Токио и он стал консультантом по России в концерне «Мицубиси». Третьи говорили, что Бекетову было видение, он постригся в монахи и теперь живет уединенно в бедной келье на горе Афон.

На самом же деле, разочарованный в политике и в президенте, утомленный хитросплетениями московских интриг, которые сам же и наплел, Бекетов уехал в провинцию и поселился в захолустном городке М. Погрузился в чтение русских волшебных сказок, хроник, повествующих о старце Филофее, в Житие патриарха Никона, в учение космиста Николая Федорова, в историю Сталинградской битвы. Иногда он заглядывал в Интернет, наблюдая, как в социальных сетях, подобно огромной опухоли, взбухает протестная волна. Дурная энергия этого протеста, подобно раковым клеткам, разлеталась по сайтам и блогам, поедая неумное и беспомощное государство. Закрывал компьютер, запрещая себе думать о близкой беде.

Он вникал в теорию «Москва – Третий Рим», рассматривал карты Сталинградских боев, отыскивая хутор Бабуркин, возле которого погиб его дед. И его размышления были о русской святости, неисчислимых русских страданиях, о райской мечте, спрятанной в глубинах изнуренной и ожесточенной русской души.

В Москве он оставил прекрасную квартиру, доставшуюся от родителей. Кроме книг, захватил в городок глиняный горшок с орхидеей, которую подарили ему вскоре после кончины мамы. Через полгода, в зимних сумерках, орхидея зацвела, раскрыв на сочном стебле несколько восхитительных белых цветов с малиновой сердцевинкой. Ему показалось, что это мама прислала ему с неба букет, в знак своей вечной любви. Он молился на цветы, целовал, зная, что в цветах живет мамина душа. С тех пор цветок больше не цвел, но Бекетов взял его с собой в городок и все ждал, что на стебле появятся новые бутоны.

Теперь он двигался по кривым улочкам городка М. и думал, сколь печален удел маленьких русских городков. Вдалеке от железных дорог и заводов, одни, как огарочки, чуть теплятся, рассыпая последние искорки. Другие потухли навек со своими облупленными, осевшими на бок домами, одичалым народом с унылой пустотой в запавших глазах. Когда-то в этих городках бурлила жизнь, торговали именитые, известные на всю Россию купцы, рождались Лесковы и Бунины, сияли имена подвижников и святых. Теперь печаль и забвение. Эти городки, как малые ключики, из которых тянулись бесчисленные ручейки, сливались в могучие реки русской жизни. Теперь ручейки затянулись илом, завалены мусором, вокруг ни журчания, ни сверкания воды, а иссыхающие, с синеватой тиной болотца.

Так думал Бекетов, блуждая по городку М., окруженному просторными полями, уже лет двадцать не знающими плуга, зарастающими мелкоколесьем. Московские толстосумы скупили эти земли у разоренных крестьян да так и забросили, отдавая на поедание бурьянам и ленным кустарникам. Прежде в этих окрестностях жили колхозы и совхозы, колосились хлеба, в городе было зернохранилище, склады овощей, работал молокозавод, ремонтировались трактора и комбайны. Люди имели работу. Строились школы, детские сады, Дома культуры. Жизнь не сверкала яркими красками, но дарила людям достаток и спокойную уверенность. Однако среди этой обыденной жизни печальной укоризной веяло от разрушенных соборов и разоренных церквей, и в небе, где когда-то золотились кресты, больше не перекликались колокола окрестных приходов.

Улица, по которой шел Бекетов, называлась улицей Мира. А когда-то она звалась улицей Сталина. А до этого – улицей Троцкого. А изначально – Воздвиженской, потому что вела к городскому кладбищу, где стояла церковь Воздвижения. А вот огромный собор с колоннами, в строительных лесах, но уже с золотым крестом, сооруженный в честь победы России над Наполеоном. Колокольня у собора обшарпана и полуразрушена. На ней высокие часы с черным циферблатом и

золотыми стрелками, пущенные в конце XIX века и с тех пор продолжающие ходить. Среди горожан живет часовщик, который многие годы на свой страх и риск раз в неделю лезет на колокольню и заводит часы.

Если в городе случается несчастье, загорится чей-нибудь дом, на пожар сбегается множество людей. Передают из рук в руки ведра, заливают огонь, выносят остатки скарба. А потом погорельцу собирают деньги, ищут рабочих, строят новый дом, как водилось в доброе русское время.

В старом парке, посаженном купцами, проходят концерты и увеселения. А над обрывом стоят два гипсовых оленя, в память тех жителей, которых расстреляли чекисты. Местные краеведы расскажут истории, от которых сладостно захватывает дух и начинает колотиться сердце. Ты вдруг чувствуешь, что в голых осенних деревьях веют не просто ветры, а духи русской истории и синее в небесах восхитительная русская тайна. И тебя в этот город привел сам Бог. Ты благодаришь Его за то, что Он поставил тебя перед этой выбеленной монастырской стеной, перед этим деревом, полным вороньего крика. Здесь, в этом городе, построенном до нашествия Батыя, русская история начертала свои волшебные письмена.

М. – город русских цариц, откуда повелась романовская династия. Отсюда разоренная Смутным временем Русь получила чудотворную женственность. Отсюда первый Романов, царь Михаил Федорович, взял в жены красавицу Евдокию Стрешневу, которая родила ему сына Алексея Михайловича, отца будущего Петра Алексеевича. А Петр из этих же мест взял жену Евдокию Лопухину. И этот клочок голубого неба в голых вершинах, домашний цветок на окне, золотые стрелки часов на черном циферблате – все дышит мистикой русской жизни, началом и завершением царств, расцветом и гибелью династий, великим торжеством и ужасной трагедией.

В этих неясных раздумьях Бекетов вышел к белым стенам Свято-Георгиевского монастыря, где его принял в архиерейских палатах настоятель отец Филипп, который являлся для Бекетова единственным собеседником в его добровольной ссылке.

Они сидели под образами и пили чай с медом, вкушая горячие булочки монастырской выпечки, которые на фарфоровом блюде поставила на стол безмолвная келейница.

– Я вот думаю, отец Филипп, не случайно из этого городка явились две царицы. Что-то особенное, таинственное дышит здесь, какой-то дух витает, если русские цари искали здесь своих суженых. Что это, отец Филипп? – Бекетов отпивал чай из нарядной фарфоровой чашки, глядя на белобородое, крестьянское лицо настоятеля, на котором труды и заботы положили тяжелые морщины. Среди этих утомленных морщин, из-под седых бровей, радостно сияли немеркнущие синие глаза. – Как это объяснить, отец Филипп?

– Это место, Андрей Алексеевич, благословенно. Над этим местом длань Божья. Я замечал, что в августе, когда ночи темны, здесь, над холмами, воздух светится, и кажется, что в полях идет прозрачная женщина. Быть может, душа царицы. Здесь, в народе, такие женские лица встречаются, что хоть иконы пиши. К нам в монастырский храм девочка приходит, у которой дар. Она ручку к погасшей свече протянет, и свеча загорается. У нас женский хор бесподобный, с ангельскими голосами. Слушаешь, и слезы текут от такой красоты.

– Быть может, отец Филипп, отсюда снова будет явлена дивная женщина? Почему же три века она не являлась?

– Значит, ждет своего часа. Чудо, оно дремлет в народе, ждет своего часа. Будет явлено по воле Божьей. В народе много что дремлет и ждет часа, чтобы явиться. Иной раз кажется, что в народе поселился зверь, того и гляди, сам себя разорвет. А иной раз кажется, что только Россия со своей святостью – миру спасение. – Отец Филипп не старался объяснить Бекетову тайну жизни, а только свидетельствовал, что тайна существует.

– Похоже, сейчас, отец Филипп, в народе и впрямь явился зверь. Дремал, дремал да и проснулся, как косматый медведь, встал на задние лапы. Что говорят люди на папертях? О чем шепчутся богомольцы? Что ждет?

– Один батюшка побывал на Афоне, беседовал с афонскими старцами. Те говорят, на Россию опять нападут бесы и станут мучить, губить русских людей. И опять пойдет брат на брата. И станут храмы рушить. А священников и монахов станут живьем в кипятке варить. И мука эта будет до тех пор, пока в России не воссияет православный царь. Тогда всем смутам и мукам конец, и Россия станет могучей и будет всему миру – спасение.

– Похоже, бесы уже напали, отец Филипп. В Москве опять революция. Опять шатается Государство Российское.

– Вы, Андрей Алексеевич, большой русский государственный. По моему разумению, быть может, самый большой. И позвольте вам высказать мое скромное мнение, Андрей Алексеевич, и пусть оно вас не обидит. Мне кажется, вы напрасно в такое тревожное время оставили без поддержки Федора Федоровича Чегоданова. Вы так ему помогали и так трудились на благо Отечества. И мне кажется, сейчас он нуждается в ваших советах. Если не он станет президентом, а этот безумный смутьян, случится большая беда, и вы за это в ответе. Простите скромного монаха за это высказывание.

– Отец Филипп, я на покое. Я как Меньшиков в Березове. Я опальный придворный. Я устал от интриг, от человеческой ненависти, от человеческой неблагодарности. Здесь у меня есть время подумать, есть время помолиться. Здесь мне открываются смыслы русской истории.

Монах кивнул, пропустив седую льющуюся бороду сквозь коричневые стариковские пальцы. А у Бекетова засияли глаза, и он устремил их поверх головы настоятеля, словно видел вдалеке синие леса и озера, благословенную райскую даль с чудесной негасимой зарей.

– Государство качается, Андрей Алексеевич. Если упадет, море русской крови прольется. У Федора Федоровича мало добрых советников. Вам бы, Андрей Алексеевич, вернуться и поддержать президента.

– Да он меня сам в опалу отправил. Я вернусь, поддержу, а он меня снова в ссылку.

– Это гордыня в вас говорит, Андрей Алексеевич. Вы гордыню смирите и возвращайтесь в Москву. Вы сказали, вам открываются смыслы русской истории. А смыслы ее в том, что русский человек забывал все обиды, когда государство начинало качаться, и шел его спасать. Надо России еще шесть лет продержаться. Выиграть у бесов шесть лет, а потом они сами отступят.

– Почему шесть лет, отец Филипп?

– Как раз тот срок, какой наш президент будет править. Он, Федор Федорович, будет последним президентом. Через шесть лет, говорят на Афоне, явится в России молодой и могучий царь, и Россия будет неодолима.

– Да откуда же взяться царю? Династическая линия прервана, законных наследников не осталось.

Монах умолк, устремив на Бекетова синие, под седыми бровями, глаза.

– Есть такое пророчество, что будущий царь будет взят из династии по женской линии.

И сколько ни старался Бекетов подробнее узнать у монаха о пророчестве, отец Филипп молчал, словно в бороде вместо рта была коричневая сургучная печать.

Откланявшись, Бекетов шел домой по сырому вечернему городу, думая о пророчестве. Быть может, здесь, в городе М., родине двух цариц, передается от женщины к женщине тайный завет, по которому одна из них, согласно пророчеству, родит царя. И быть может, царь уже родился и живет в городке, никому не известный. Ходит по мокрым улицам, смотрит на часы с золотыми стрелками, на цветок в туманном окне. И если всматриваться в лица встречаемых отроков, вдруг заметишь над головой одного из них тихое золотое свечение.

Бекетов услышал за спиной рокот мотора. Яркий луч высветил грязь под ногами. Обернулся. Перед ним остановились забрызганный грязью «мерседес» и тяжеловесный джип сопровождения. Из «мерседеса» поднялся начальник президентской охраны Божок. Его бабье лицо вызвало у Бекетова отторжение.

– А я за вами, Андрей Алексеевич. Федор Федорович велел вас доставить.

– Это как же, Петр Степанович, силой, что ли? В наручниках?

– Зачем вы так, Андрей Алексеевич. Вас все любят, все уважают.

– Разве не вы, Петр Степанович, нашептывали президенту, что я плету заговор и мечтаю занять его место в Кремле?

– Да что вы, Андрей Алексеевич, я ваш друг, лучший друг. Мы вместе служим нашему президенту. А друг моего президента – мой друг. – Божок сладко улыбался, но розовые, свиные глазки на его круглом лице горели, как злые угольки.

– От вас не спрячешься, Петр Степанович. Вы бы Иону в чреве кита отыскали.

– Это точно, – засмеялся телохранитель.

Бекетов зашел в свою маленькую квартирку, захватил заветный горшок с орхидеей, и вскоре они мчались по темному шоссе, пружиня на ухабах, и в свете хрустальных фар мелькали первые снежинки.

ГЛАВА 5

Перед визитом к Чегоданову машина завезла Бекетова на его московскую квартиру, остановилась у тяжеловесного сталинского дома на Тверской. Божок подарил Бекетову полчаса. Бекетов отомкнул дверь, вдохнул теплый, с застоявшимися запахами воздух, в котором, казалось, висели застывшие звуки трехлетней давности. В спальне кровать была застелена пестрым пледом, на котором сохранились небрежные складки. В кабинете, на отцовском столе, лежал томик Лермонтова, который он, уезжая, забыл поставить на полку. Африканские маски, голубые афганские вазы, кампучийские бронзовые колокольчики – фетиши и трофеи отца – все было в налете пыли. Фотография матери и отца казалась тусклой, и он ладонью стер с нее пыль, поцеловал любимые лица. Он поставил на подоконник заветную орхидею и смотрел, как за стеклом мерцает сверкающее перекрестье. Сначала вскипал стремительный скользящий поток Тверской, и казалось, что бесчисленные блестящие рыбины несутся к нерестилищу, трутся сверкающими боками. Поток прерывался, и в открывшуюся пустоту, пересекая Тверскую, мчался другой поток, по Тверскому бульвару, полыхал сквозь деревья бесчисленными огнями. Бекетов любовался этим пульсирующим раскаленным крестом, вспоминая, как отец в детстве ставил его ногами на подоконник и они вдвоем замороженно следили за этой огненной стихией.

Он открыл форточку, и в комнату ворвался рокот и гул города, холодный осенний воздух, запах бензина и палой листвы. Этот гул и свежий сквозняк разбудили тени остановившегося в комнатах времени, и они разбежались по углам и исчезли. Бекетов поставил томик Лермонтова на полку, где оставался для него небольшой зазор, и отправился на свидание с Чегодановым.

Начальник охраны Божок доставил Бекетова в резиденцию Новоогарево. Знакомые каменные ворота, двухэтажное здание с колоннами, с кустами укрытых роз, голые липы, в которых синел предзимний клочок холодного неба. Бекетов испытал мимолетную сладкую боль от этой беззащитной лазури, которую скоро закроют свинцовые тучи долгой русской зимы с ее снегами и ночными буранами.

Они встретились с Чегодановым в кабинете на втором этаже, сохранившем убранство поздних советских времен с их чопорной сдержанностью, где рациональность и деловитость напоминали о пуританской этике советских вождей. Чегоданов, в легком свитере и рубашке апаш, шел навстречу Бекетову, протянув вперед руку. И пока он приближался, Бекетов успел заметить, как тот похудел и осунулся, какое растерянное и тревожное выражение появилось в его глазах.

– Ну, спасибо, Андрюша, что откликнулся на мое приглашение. Прости, что прервал твой отдых. – Чегоданов цепко и страстно сжал Бекетову руку, словно боялся, что тот вырвется и оставит его одного. – Мне так нужна твоя помощь.

– Попробовал бы я не откликнуться. Божок был готов надеть на меня наручники и всю дорогу тыкал мне в ребро пистолетом, – сухо усмехнулся Бекетов, отнимая руку, на которой мгновение держались белые отпечатки болезненного рукопожатия. – Он сказал, что велено доставить живым или мертвым.

– Ну, прости его, он не умеет быть любезным. Ты приехал, и я так тебе благодарен. – Чегоданов усаживал Бекетова на диван, почти вдавливал в мягкие кожаные подушки.

– Признаться, когда мы расстались и ты дал понять, что во мне не нуждаешься, я решил, что мы больше никогда не увидимся, – отчужденно и холодно произнес Бекетов. – Тебе больше не нужна была моя помощь. Я мешал тебе моими советами. Ты выбрал других советников, другой путь, свернув с дороги, по

которой мы шли вместе. Что ж, ты вправе был так поступить. Ты видел страну, ее цели и ее проблемы, иначе, чем я. Ты лидер, ты творец истории, а не я. Я только угадывал твою волю и превращал ее в реальную политику. Но потом я перестал угадывать, и ты удалил меня. Так поступил с патриархом Никоном царь Алексей Михайлович, а ведь Никон был «собенный друг царя».

– Это была ошибка, Андрей. Я в этом раскаиваюсь. Я был самонадеян, неблагодарен. Мне сопутствовал успех, мне все удавалось. Мне удалось построить нефтяную империю, и Европа пила из моих ладоней русскую нефть. Я стал «Человеком года», и мой портрет красовался на обложках самых влиятельных мировых журналов. Передо мной заискивали американцы, и я прекратил одностороннее разоружение России. Я установил баланс между Америкой и Китаем и играл на их противоречиях. Наша внутренняя оппозиция из стальной стала пластилиновой. Самодовольные кавказцы не долго выбирали между бомбовыми ударами и обильными траншами. Мне привозили напоказ головы Басаева, Гелаева, Яндарбиева. Я спрашивал судьбу, за что она благоволит ко мне. И объяснял свой успех моими достоинствами. Поэтому я не слушал твоих предостережений. Был насмешлив с тобой, даже груб. Как же я был неправ! Ну, прости меня, Андрей! Ты мой друг, единственный, верный. Ты вернулся, и теперь мы опять будем рядом. Скажи, ты прощаешь меня?

Все это Чегоданов произнес порывисто, страстно, по лицу его бегали малиновые пятна. Бекетов никогда не видел его таким. Где была его знаменитая язвительная ирония, обескураживающая собеседников? Где было легкомыслие и изящество плейбоя, которым он очаровывал своих противников? Где была беспощадная жесткость, свинцовая тяжесть голубоватых, чуть выпуклых глаз? Перед Бекетовым сидел растерянный, почти сломленный человек, похожий на слепца, которого окутала внезапная тьма, и он чувствовал близость невидимой бездны.

– Но ведь тебе помогает достойная команда. Глава администрации Любашин обладает недюжинным умом. Режиссер Купатов создает талантливый дизайн твоей предвыборной кампании. Погребец контролирует избирательный процесс. Чего ты опасешься?

– Все это мнимо, мнимо! Я страшно одинок. Все, кого ты перечислил, были хороши, когда общественное море оставалось спокойно. Их прогнозы, их технологии не предполагали откровения, были очевидны. Но теперь, когда разразилась буря, они бесполезны. Их советы примитивны, они выглядят

бездарными трусами. Когда власть закачалась, то закачались их клятвы и присяги, многие перебегают к противнику. Агенты сообщили, что между Китаем и Америкой ведутся тайные переговоры о возможной аннексии Сибири и Дальнего Востока. МИД не докладывал мне об этом. Американцы устанавливают на Аляске системы новых вооружений, способных воздействовать на биосферу России, менять климат, возбуждать пожары и засухи, наводнения и ледяные дожди. Где мое Министерство обороны и военная разведка? Европейцы создали технологии по извлечению сланцевого газа, а это бьет всю мою газовую империю. Война на Кавказе разгорается с новой силой, а у меня почти нет армии. В губерниях возрождается сепаратизм, и среди губернаторов, моих же назначенцев, зреет заговор. Ты знаешь о моих отношениях с женой. Она чудесная, милая, но ее сразил недуг. Я вынужден был отослать ее в монастырь под надзор монахинь. Патриарх, который всегда благословлял меня, как помазанника, теперь смотрит тусклым взглядом, и бог знает, что у него на уме. И, главное, Стоцкий, эта липкая улитка, которая шевелит своими чуткими рожками и ищет момент, когда можно меня предать. Он выглядел другом, а оказался тайным врагом. Почему власть, вчера еще такая крепкая, незыблемая, вдруг стала сыпаться, оседать, проваливаться в какую-то яму? Откуда взялась эта Болотная площадь, переполненная моими вчерашними выкормышами, которые сегодня меня ненавидят? Откуда, из какого омута, всплыла эта гадкая рыбина Градобоев? Объясни, что случилось?

Бекетов был поражен этой жалобной, слезной исповедью. Затравленным, обреченным видом еще недавно гордого, надменного властелина. Баловня судьбы, любимца народа, талантливый игрок и искусный волевого политика. Смертельная тоска была в глазах Чегоданова. Невыносимая боль, словно его укусила змея и яд лился в крови, причиняя мучение. Бекетов испытывал к нему сострадание, перед которым отступили былые обиды.

– Причина в том, что стал разрушаться кристалл государства, который мы вырастили с тобой из этой липкой медузы, расплывшейся между тремя океанами. Мы заморозили эту гадкую жижу и остановили ее растекание. Мы превратили эту отвратительную, доставшуюся от предшественника слизь в твердое вещество. В кристалл, который взрастили благодаря нашим технологиям. Мы создали кристаллографию, которая снова превратила Россию в государство.

Бекетов испытал сладостное торжество, вернувшее его в недавнее прошлое. Видел этот драгоценный кристалл с зеркальными гранями и лучистыми

вершинами. В сияющих плоскостях гуляли разноцветные переливы, распускались радуги, отражались багровые зарницы и сполохи. Словно в кристалле клубились волшебные стихии истории, вторгались таинственные энергии мира, звучала космическая музыка. Бекетов возвращал этот кристалл государства в незримой реторте. В ней клокотала магма людских страстей и политических схваток. Террористических актов и военных сражений. Дворцовых интриг и утонченных диверсий. Плавилась обломки прежней страны, осколки прошлых идей, остатки былых репутаций. Как искусный металлург, он управлял этим жгучим кипением, менял температуру, давление, удалял кислоты и шлаки. Видел, как в огненной жиже, среди пузырей и вихрей зарождается кристалл государства. Формируется его таинственная геометрия. Геометрия новой страны.

Бекетов восхищенным остановившимся взглядом созерцал это дивное творение.

– Я предложил тебе технологии, управляющие социальными энергиями. Я чувствовал эти энергетические потоки, льющиеся с разной скоростью, с разной плотностью и прозрачностью. Одни из древних времен прихотливо достигали наших дней. Другие из близкого прошлого продолжали нести обветшалые смыслы. Третьи, зарождаясь на наших глазах, принимали вид непредсказуемых вихрей и взрывов. Я умирал эти взрывы, устраивал ловушки, в которых гасил опасные завихрения. Замедлял одни потоки и убыстрял другие. Сталкивал их и гасил. Выбирал из них те, что способствовали росту кристалла. Уменьшал разрушительную силу других. Меня ненавидели, потому что я укрощал эгоизм политиков и безумство политических партий. Разрушал репутации самонадеянных выскочек, используя для этого подчас аморальные методы. Прослушивал телефонные разговоры. Обнародовал банковские счета. Подкладывал им в постели дорогих проституток, а потом вывешивал фотографии в Интернете. Я запускал ложную информацию, которая побуждала наших противников к необдуманным действиям, после чего они оказывались ослабленными или уничтожались. Я создавал молодежные организации, которые подавляли уличных экстремистов. Я вносил идеологическую путаницу в ряды коммунистов и националистов. Вел тонкие игры с еврейской интеллигенцией, отдавая им на откуп газеты и радиостанции, где их ядовитая энергия свертывалась и выпадала в осадок. И мне удалось ценой невероятных усилий вырастить кристалл молодого Русского государства, которое я передал тебе в руки.

– Все так, все так, Андрюша! Ты настоящий маэстро, и тебе нет равных! – воскликнул Чегоданов с благоговением.

– Но ты не воспользовался моим подарком. Этот кристалл предстояло лелеять, вливать в него струи новых энергий, пронизывать пучками лучистого света, вносить в трепещущее поле живой истории. Этот эмбрион государства еще предстояло выносить, добиться родов, чтобы родившаяся страна увидела свет, задышала, открыла глаза. Ты обладал в народе громадной популярностью. Ты накопил в казне несметные нефтедоллары, которые подарил тебе Ермак Тимофеевич, завоевавший Сибирь. Мы говорили с тобой о развитии, о рывке, который предстоит совершить России. О строительстве заводов и научных центров, звездолетов и детских больниц. О справедливой стране, о которой мечтал народ, униженный и оскорбленный захватчиками. Мы хотели создать Великую Россию, которую каждый человек считал бы своей. Строил ее, как огромный и светлый дом между тремя океанами. Сберегал таинственную евразийскую чашу, куда во все века стекались реки великих империй. Ты мог разбудить дремлющие в народе коды, задавленные нуждой и унынием, и народ, очнувшись, стал бы снова народом-героем, народом-открывателем и подвижником. Ты мог написать великую и грозную книгу, в которой тебе судьба отвела великое место. Мы говорили с тобой об этом в самолете, когда ты летел на изнурительные переговоры в Вашингтон. Говорили в гарнизонной гостинице после твоей душераздирающей встречи с вдовами утонувшего «Курска». Говорили в келье Тихвинского монастыря, когда ты приложился к чудотворной иконе. Это было время крошечных трудов и ослепительных надежд.

Бекетов видел, как на лице Чегоданова появилась мучительная улыбка, словно мимо него проносили дивный фонарь, но было не дано насладиться его волшебными отсветами. Фонарь удалялся и меркнул.

– Ты обманул судьбу, обманул ее ожидания. Не захотел писать книгу истории. Испугался великой роли.

Не начал модернизацию. Бездарно израсходовал накопленные для развития деньги. Промотал ресурс исторического времени. Не оправдал доверие народа, который разлюбил тебя. Тебя словно подменили. Было странно смотреть, как ты упиваешься своим участием в привилегированных международных клубах, делая противникам России уступку за уступкой. Млеешь от дружбы с европейскими лидерами, этими ничтожными выморочными клерками. Как тобой овладел бес стяжательства и ты рассовывал свои нефтяные и газовые

накопления по мировым банкам, и это не укрылось от народа. Ты строил себе дворцы на всех побережьях, на всех горнолыжных курортах мира, а русские городки и села гнили, а вместе с ними сгнивал народ. Ты почти перестал работать, а все время уделял бассейнам, лыжам и безвкусу пиару, который придумывал постаревший, утративший талант режиссер. Чего стоят твои фальшивые поездки на канареечном автомобиле, или твой голый торс, возбуждающий стареющих женщин, или зоологические пристрастия с поцелуями рыб и животных. Кристалл, который требовал ухода и взращивания, ты уронил в грязь Болотной площади, и он стал таять, потек. Вновь превратился в жидкость. Я упрекал тебя, но ты не слышал меня. Я досаждал тебе и поэтому решил уехать. Твоя неудача – это и моя неудача. Твое поражение – и мое поражение. Судьба от тебя отвернулась и повернулась к другому. К кумиру Болотной площади. Его питают бурные потоки истории. Его они возносят на вершину власти. Он станет президентом России. Придворная челядь, которая клялась тебе в верности, чувствует это и перебегает к нему. Таков удел слабеющих вождей. Ты, Федор, – слабеющий вождь.

Бекетов увидел, как страшно побледнел Чегоданов. Казалось, на его скулах выступили белые кости. Ноздри гневно дрожали. В выпуклых голубоватых глазах появился красный металлический отсвет, какой бывает в жаровне, полной углей. В нем поднималось свирепое бешенство, припадок безумия, который сопровождался слепым сквернословием, взмахами рук, желтой пеной у рта.

– Ты приехал, чтобы глумиться надо мной? Может быть, ты снюхался с этим уродом Градобоевым? Может быть, ты вошел в его штаб и используешь свои чертовы технологии, чтобы валить меня? Ты такой же предатель, как вся остальная мразь, которую я приблизил к себе, и она теперь кусает руки, из которых получала корм?

У Чегоданова начиналась истерика, которая случалась с ним крайне редко. Лишь в тех случаях, когда его воля подвергалась колдовским воздействиям. Тогда он лишался вкрадчивого голоса, самообладания, умения скрывать мысли. Он больше не справлялся с темной волной, которую направляли на него специалисты психологических войн, мастера магических атак, имеющих целью парализовать и разрушить противника. Так было однажды, в день его рождения, когда убили известную журналистку, неутомимую в своих обличениях Чегоданова. Это называлось «сакральной жертвой». У человека в день рождения оживает пуповина, связывающая его с мирозданием. Он становится

беззащитным перед внешним воздействием. Убийство журналистки, эта «сакральная жертва», страшный подарок в день именин, породил пучок смертоносной энергии, которая вонзилась Чегоданову в пупок. Он корчился от боли, ревел от бессилия, изрыгал брань и проклятия, и казалось, что он впал в безумие. И только явившийся по срочному вызову монах с молитвой вырвал из пупка Чегоданова невидимую стрелу. Пустил ее обратно, в сторону незримого лучника.

– Ты явился, чтобы добить меня? Сказать, какое я ничтожество? – Чегоданов воздел кулаки, и казалось, обрушит их на голову Бекетова.

Бекетов поднялся, холодно, отчужденно глядя на волчье лицо, с желтой пеной у оскаленного рта.

– Я приехал по твоему зову и не мог не сказать того, что я думаю. Теперь я вижу, что мой приезд не имеет смысла. Я уезжаю.

Он шагнул к дверям, но Чегоданов догнал его, схватил за руку:

– Прости меня, Андрей! Это бес в меня вселился! У меня больше нет сил бороться! Останься! Ты прав, ты прав, я растерял мой успех, судьба от меня отвернулась! Помоги! – Его гнев схлынул, и теперь он был жалок, умолял, был похож не на волка, а на собаку, которой перебили хребет.

Бекетов испытал острое сострадание. Чувствовал раскаяние за свой беспощадный приговор.

Снова сел на диван, видя, как в окно кабинета брызнуло бледное предзимнее солнце. И далекое, мучительно нежное воспоминание посетило его. Бабушка ведет его в школу, под ногами сизая лужа во льду, а сквозь голые липы брызнуло бледное предзимнее солнце.

– Ты прав во всем! Но не время об этом! Нам надо выиграть, не пустить в Кремль это чудовище, порождение спальных районов, черных подворотен, озлобленной глупой толпы! Мы победим, и после победы, поверь, я стану другом! Это будет другой Чегоданов, о котором никто не слышал! Ты говорил о преображении, о чуде превращения Савла в Павла! Я стану Павлом, стану угодным Богу! Судьба опять повернется ко мне лицом! Мы станем творить историю, строить великое

государство! Мы укротим ненасытных вампиров, которые сосут из России соки! Я знаю, как вернуть в страну вывезенные воровские деньги! Страшным ударом уничтожу коррупцию! Прикажу построить в Мордовии двадцать лагерей, куда станут свозить воров, будь то министр или олигарх! Ты говорил о моих накоплениях, о моих счетах в банках! Эти деньги я собирал, чтобы их не разворовали чиновники. Теперь, когда мы начнем развитие, я верну все деньги народу! Построю на них больницы и онкологические центры! Отберу у рублевских жуликов их дворцы, поселю в них беспризорных детей. Россия будет великой! Евразийский союз, который я замышляю, – это прообраз будущей Великой России в ее традиционных границах! Нам нужно победить! И тогда мы вместе с тобой станем писать историю! Впишем в нее наши имена!

Все это Чегоданов произнес захлебываясь, с восторженной синевой в озаренных глазах. Эта была та самая страсть, в которую он увлекал других, обезоруживал своей верой и искренностью. Этой огненной страстью он оплавлял кромки, отделяющие его от собеседника, превращал врагов в друзей, соперников в надежных союзников. Это не выглядело как искусный театр. Перед ним был измученный, доведенный до отчаяния человек, который из последних сил старался уверить себя, что остается надежда на спасение, что гибельная черта может отступить и он, Бекетов, старый друг, поможет ему избежать беды. Снова, как бывало не раз, отведет его от черной дыры.

– Я не знаю, поймешь ли ты меня, – медленно произнес Бекетов.

– Пойму, конечно пойму! Кого же мне еще понимать!

– Схема, которую я могу предложить, на первый взгляд может показаться нелепой.

– У тебя не может быть нелепой схемы. Все твои схемы блистательны!

– Она сопряжена с риском, быть может, только ускорит катастрофу.

– Ну, хочешь, я тебе дам расписку, что в моей смерти Бекетова прошу не винить, – усмехнулся Чегоданов.

– Ты можешь мне обещать, что если примешь мою схему, то уже никто не посмеет в нее вмешиваться, все эти твои высоколобые дурни и пошлые

оригиналы?

- Всех буду гнать! Ты один хозяин!

Бекетов молчал, словно раздумывал, стоит ли затевать эту непосильную, непредсказуемую по своим результатам работу. Или уже поздно, и все безнадежно, все технологии бессильны. Тонкие тенета технологических ухищрений разорваны, и на свободу вырвалась сама история, как свирепая, неподвластная технологиям стихия. В своей уединенной ссылке, читая манускрипты, погружаясь в теории русских космистов, он не мог до конца отрешиться от московских событий, которые, как осенняя буря, стучали в его оконце. Будили ночами, и он вскакивал, хватал лист бумаги и чертил политологические схемы. Рисовал вектор сил, исследовал геометрию русской катастрофы. Старался доказать теорему Русской Победы.

- Боюсь, что моя идея покажется тебе сумасшедшей.

- Я живу среди сумасшедшей реальности.

- Найдутся люди, которые скажут, что я толкаю тебя в яму.

- Я уже в яме.

- Я не уверен, что эта идея является безусловно спасительной, и есть вероятность провала.

- И без твоей идеи вероятность провала громадна. Говори.

Зрачки Бекетова перестали трепетать, остановились, странно расширились. Словно он погрузил взор в туманную тьму, где текли струи невидимых вод, скручивались спирали безымянных потоков, реяли отсветы загадочных вспышек. Так смотрят в звездное небо, ужасаясь и восхищаясь, испытывая сладкое помрачение.

- Перед тобой - бушующая, ненавидящая тебя Болотная. Там твоя смерть. Там, на площади, тот, кто желает твоей смерти. Все твои усилия, все ухищрения твоих штабистов направлены на то, чтобы ослабить площадь. Уменьшить ее

давление, сократить толпу. Для этого ты мешаешь им собираться, увеличиваешь штрафы, обливаешь грязью Градобоева, повышаешь зарплату милиции и ОМОНу. Готовишься жестоко разогнать митингующих. Но при этом популярность Градобоева продолжает расти, а твоя падает. И тебе не видать победы, даже если твой Погребец установит не двудонные, а трехдонные урны и завалит эти урны фальшивыми бюллетенями. Надо действовать прямо наоборот.

– Как? – нервно спросил Чегоданов.

– Надо делать все, чтобы площадь ломилась от народа. Чтобы на ней появлялись все новые и новые бунтари. Чтобы Градобоев выглядел твоим палачом. Чтобы площадь бурлила, как кастрюля с супом, а в нее вбрасывали все новые и новые специи и приправы. Лавровый лист в виде коммуниста Мумакина. Перец в виде революционного радикала Лангустова. Корицу в виде светской куртизанки Ягайло. Грецкий орех в виде еврейского активиста Шахеса. Чеснок в виде русского националиста Коростылева. Надо увеличивать под кастрюлей огонь, чтобы суп вспенился и полился через край. Пусть его гарь почуют в каждом городке и поселке.

– Зачем этот жуткий борщ? – недоверчиво спросил Чегоданов. – Зачем мне усиливать Болотную и делать из Градобоева моего палача?

– Надо показывать народу чудовищное лицо бунта. Надо пугать людей кровавой пастью новой революции, которая повторяет жуткий распад государства. Февраль семнадцатого, кошмар гражданской бойни, война всех против всех, лагеря, расстрелы, нищета, бегство лучших русских людей за границу. Надо сравнивать Болотную площадь с перестройкой, Ельциным, Беловежьем. России уготована судьба СССР, распад, оккупация. Надо сравнивать Градобоева с Керенским и с Горбачевым. Надо убеждать людей, что ты, каким бы нелюбимым и даже ненавистным ни выглядел, являешься последним защитником государства. Твое уничтожение является уничтожением государства, после чего Россия превратится в кровавую бездну. Кровью захлебнутся нищий и богач, еврей и русский, якут и чеченец. Только так ты можешь победить Болотную. Усиливая ее, сокрушить.

– Гениально! – Чегоданов с восхищением смотрел на Бекетова, и ноздри его страстно дрожали, по лицу снова бежали малиновые пятна. – Операция «Суп»! Ты великий повар, Андрей! На политической кухне нет тебе равных! Твои рецепты войдут в поварскую книгу русской политики! Но, согласись, есть риск,

что этот отвар хлынет с Болотной и зальет Кремль. И главы соборов будут выглядеть как головки чеснока, а кремлевские башни покажутся вареными морковками. Где гарантия, что народ испугается революции?

– Даже банки не дают гарантий. Тем более их нет в политике. Риск огромен, но мой план основан на глубинном понимании русского сознания. Кодов, которые дремлют в глубине русского народа. Народ живет ужасно, ты лишил его благополучия. Но если народу предстоит выбрать между плохим государством и хаосом, он выберет плохое государство. Выберет тебя.

– Гениально! – повторил Чегоданов. Его выпуклые голубоватые глаза восторженно смотрели на Бекетова, как на своего спасителя, которому он вручает свою судьбу. – Что я должен делать? Что мы должны предпринять?

– Наша сегодняшняя встреча и наш план должны сохраняться в тайне. Об операции «Суп» не должен знать даже твой преданный нукер Божок. Я вернулся в Москву твоим врагом и буду мстить тебе за опалу, за унижение, которому ты меня подверг. Я войду в доверие к твоему палачу Градобоеву. Пользуясь моими связями, я приведу других оппозиционеров на Болотную площадь. Я найду среди телеведущих такого, кто слывет «телевизионным киллером». Он обрушит на народ всю страшную правду о грядущей революции и «великом русском хаосе», которым дышит Болотная. Сам же стану ездить по оборонным заводам, которые являются оплотом государства, где работают люди, все еще верящие тебе, ждущие, что ты наконец начнешь долгожданное развитие. Я стану формировать из них гвардию, Семеновский и Преображенский полки, которые в нужный момент выступят на твою защиту.

– Гениально! – повторил Чегоданов, порываясь обнять Бекетова, но удерживая свой порыв.

– Тебе станут доносить на меня. Говорить, что я предатель. Божок, чего доброго, захочет меня ликвидировать. Принести «сакральную жертву». Удерживай его от этого. Градобоев станет упиваться успехом, собирая на митинги несчетную толпу, но вдруг поймет, в какой западне оказался. Но будет поздно.

– Пусть хлебает этот суп! Пусть кашляет от перца, задыхается от горчицы, чихает от чеснока, икает от корицы, а потом выльет все это варево себе на голову! Мы победим! Мы начнем новую страницу истории! Мы созовем

семеновских и Преображенских гвардейцев. У нас снова будут самые лучшие в мире самолеты. Самые быстроходные танки. Самые неуязвимые ракеты! Мы покончим с нищетой! Я притащу на Красную площадь олигархов, и они покаются перед народом. Вернут нефтяные поля, алмазные копи, рудники и заводы. Они приведут в Россию свои воровские деньги. Ни одного беспризорного, ни одного сироты, ни одной «слезы ребенка»! Народ нас поймет! Глубинные коды! Вера в свое государство! Я оправдаю эту веру! Мы построим новую Россию, и она запомнит наши имена!

Чегоданов обнял Бекетова, прижал к груди, и тот слушал, как громко стучит его сердце.

– Ты победишь, – произнес Бекетов, освобождаясь от крепких объятий. – Россия выиграет шесть необходимых ей лет.

– Да, шесть необходимых лет! – вторил ему Чегоданов.

Глаза Бекетова стали неподвижными, устремились к синим лесам, над которыми вставало белое облако. Ему привиделся отрок, над головой которого золотился волшебный свет.

Выходя из резиденции, Бекетов встретил главного телохранителя. Божок, льстиво улыбаясь, довел его до машины.

– Счастливого пути, Андрей Алексеевич, – сладко произнес Божок, но его маленькие глаза на безволосом лице краснели искорками граната.

ГЛАВА 6

Бекетов подошел к окну, наблюдая кипящий огненный крест – плазму Тверской и пылающий огнями бульвар. В сумерках осеннего неба, далеко, за домами, горели рубиновые звезды Кремля. Бекетов вглядывался в их туманное свечение, в котором чудилась бессловесная угроза. Он снова своим появлением потревожил их дремотный покой. Орхидея из глиняного горшка тянула длинные остроконечные листья. И Бекетов вдруг обнаружил, что среди листьев появился

побег, тонкий стебель с тремя бутонами. Это открытие восхитило его. Мама из своих небесных садов посылала ему чудную весть. Среди черной предзимней Москвы готовила ему дар – белые целомудренные цветы, с которыми посылала свою любовь, свою молитву о нем, свою надежду на неизбежную, им предстоящую встречу. Бекетов коснулся губами бутонов, словно поцеловал любимое лицо.

Он отыскал в Интернете имя некогда известного телеведущего Михаила Немвროзова, блиставшего на экране главного телеканала страны. Яростный и надменный красавец с сочным голосом оперного певца и осанкой героя-любownika, с веселыми злыми глазами, Немвროзов владел искусством уничтожать репутации, превращать в труху напыщенных и властных вельмож. Бекетов до своей опалы и ссылки пользовался его услугами, оказывал ему протекцию. С его помощью наносил смертельные удары врагам государства в том его виде, в каком оно соответствовало его с Чегодановым замыслу. После вынужденного отъезда Бекетова Чегоданов убрал Немвросова с центрального телевидения, и тот мгновенно погас, провалился в мусорную яму бессмысленных и пошлых передач, которыми изобиловали третьесортные, одинаковые, как цветные обертки, программы.

Бекетов нашел Немвросова в убогой студии, свившей уютное гнездо в цехах разорившегося завода. Было тускло, дули зловонные сквозняки, сновали немытые и нечесанные ассистенты. Стены были обиты жестью, и все помещение напоминало мятую консервную банку.

Они сидели с Немвросовым за колченогим столом, на котором были рассыпаны замусоленные бумаги и стояла несвежая кружка с остывшим кофе. Бекетов с горьким недоумением рассматривал лицо Немвросова. Еще недавно холеное и мужественное, пленявшее женщин, наводившее страх на вельможных чиновников, теперь оно постарело, погасло, было покрыто желтоватой ржавчиной, словно долго лежало в уксусе.

– Да, вот видишь, в какую дыру меня запихнули. Рекламирую какой-то джем, какую-то вонючую патоку. Веду дебильное ток-шоу, где старые тетки рассказывают о первой любви. А что делать, Андрюша? Деньги на хлеб нужны, на бензин нужны, на портки, чтобы срам прикрыть. – Он хлопнул себя по засаленным джинсам, из-под которых торчали скомканные носки. – Чегоданов, сука! Мелкая тварь! Неблагодарная скотина! Мы столько для него сделали! Пахали на него, а он тебя загнал в дерьмовое захолустье, а меня засунул в

козлиный зад. Не прощу! Отомщу ему по полной. Когда его начнут вытряхивать из Кремля, уж я повеселюсь! Покажу крупным планом, как он кровью харкает! Как пучит свои рыбы глаза! Как колотится башкой о брусчатку. Этот Градобоев, какой мужик золотой! Вот это президент! Как он мочит эту гниду! Я просто в него влюблен. Пойду к нему наниматься. Он будет во мне нуждаться! Ему придется чегодановское дерьмо разгребать, чегодановскую челядь чистить. А я, ты знаешь, это делать умею! Я это делать люблю! Помнишь, как мы этих жирных свиней потрошили, ливер из них вынимали? – Немврозов захохотал, и в его серых глазах блеснула былая жестокость и веселая беспощадность.

Бекетов помнил, как по его наущению Немврозов устранял конкурентов Чегоданова на президентских выборах, где опасными соперниками выступали московский мэр и бывший премьер, почтенный представитель советской элиты. Немврозов использовал кадры, где мэр на Крещение окунался в ледяную прорубь, голый, в жирных складках, поросший по плечам и груди светлой щетиной. Немврозов монтировал эти кадры с изображением свиньи, которую режут, палят щетину, скоблят ее желтую жирную тушу. Водят ножом по соскам. Вспарывают живот, вываливая в таз липкую кровавую печень. Вытряхивают клубок кишок. Мокут в мутно-красной воде вырезанное сердце. Иссекают ломти сала, выламывая голубоватые мослы. И все эти жуткие подробности перебивались кадрами, на которых мэр скалил крепкие зубы, охлопывал жирную грудь, сутулил тучные плечи. Немврозов при этом ахал, чмокал, похрюкивал, постанывал, и создавалось впечатление, что происходит заклятие мэра.

Похожим образом он обошелся с премьером, который в то время перенес операцию на коленном суставе, куда ему поставили титановый протез. Немврозов показывал отечное, печальное, как у больного верблюда, лицо премьера, а потом помещал кадры, снятые в операционной. Взрезанное колено, шмотки мяса, бьющую из вены кровь, блестящий, жуткий протез среди кровавого месива, окровавленные руки хирурга. И снова больное лицо премьера, вызывающее жалость и отторжение.

После этих композиций популярность мэра и экс-премьера резко упала, и они не составили конкуренции Чегоданову.

– Предатель, мелкая душонка! Моль чекистская! Я его президентом сделал, а он мне жизнь сломал! Я не могу без экрана! Я звезда. Мое лицо – национальное достояние. Меня гаишники узнавали и честь отдавали. Майки с моим лицом выпускали. Девки у меня пуговицы с пиджака обрывали. А он прогнал с

телевидения, заставил тухлый джем рекламировать. Ненавижу! Слушай, Андрей, пойдём к Градобоеву. Мы ему поможем срезать моль чекистскую. Ты мастер комбинаций, научишь его настоящей политике. А я ему интернет-телевидение налажу. Сделаю из него божество.

Немврозов с тоской осматривал обитую жестью студию, где погибал его талант, меркла слава, тускло и старилось его знаменитое лицо. Он ненавидел и беспомощно сжимал кулаки, понимая, что время его ушло, удача невозвратно промелькнула и он обречен истлеть в этой грязной дешевой студии, орать на дурных ассистентов, пить кофе из несвежей кружки, обслуживать ничтожных дельцов.

– Миша, ты великий и несравненный. – Бекетов поймал его затравленный взгляд и вливал в него энергию света. – Еще ничего не кончилось, а только все начинается. Я вернулся. Чегоданов призвал меня и умоляет помочь. Он в беде и в панике, нуждается в немедленной помощи. И мы поможем ему. Я говорил о тебе. Он возвращает тебя на главный канал. Дает первоклассную студию. Зарплата, какой ты не видел. Персональная машина. Авторская передача в прайм-тайм.

– Ты издеваешься? – Немврозов зло оскалил собачьи зубы, которые раньше белоснежно блестели в его неотразимой улыбке. – Ты пришел поиздеваться надо мной?

– Мне некогда заниматься пустяками, Миша. Времени в обрез. Я пришел к тебе, потому что ты лучший, неповторимый, непревзойденный. Ты сделаешь то, что не по силам другим.

– Ты снова вместе с Чегодановым? Вы помирились? Ты хочешь вернуть меня на экран? У тебя есть проект? – Неверие в темных зрачках Немвროзова сменилось умоляющей надеждой, от которой зрачки расширились и засияли. – В чем проект?

– Ты снова станешь звездой! Твое лицо станут обожать в каждом доме. Поставные опять будут отдавать тебе честь. И девушки станут носить майки с твоим лицом, за которым будут дышать их прелестные груди.

– В чем проект? – нетерпеливо перебил Немврозов.

– Ты должен уничтожить Градобоева. Превратить его в пыль. Рассыпать на молекулы. На элементарные частицы, чтобы он улетел в черную дыру Вселенной, откуда выпал. Ты понял?

– Как?

– Показывай площадь, показывай толпу! Неистовые лица, орущие рты, вздетые кулаки! Лицо Градобоева, ненавидящие, налитые кровью глаза! Говори, что он зверь, людоед! Ненавидит все русское, Кремль, соборы, Могилу Неизвестного Солдата! Он завербован, агент ЦРУ! Получает деньги от Госдепартамента! Предатель, власовец! Ворвется в Кремль и приведет за собой американских морских пехотинцев! Ненавидит Русское государство, хочет его уничтожить! Сеет хаос, как Керенский в феврале семнадцатого! Как Горбачев в августе девяносто первого! Его приход к власти означает распад территорий, гражданскую войну! Брат на брата! Расстрельные рвы! Избиение духовенства! Голод! ГУЛАГ! Уничтожение заводов! Унижение армии! Показывай его чудовищный лик, чтобы мороз по коже! И какую-нибудь свою свинью с перерезанным горлом! Или твой блестящий протез в кровавой жиже! Ты это умеешь! Ты гений! Ты лучший из всех, кого я знаю!

Бекетов впрыскивал в Немвროзова огненные лучи, вливал в него раскаленную плазму и видел, как Немвровов меняется. Как выпрямляется, наливаются соками тело. Опадает с лица серая ржавчина, и лицо белеет, розовеет, молодеет, обретает прежнее яростное, счастливо-безумное выражение.

– Я гений! Я лучший из всех! Я сделаю это! Я превращу Градобоева в кровавый окорок! Чегоданов, он молодец, нюх разведчика, властный инстинкт! Всем этим геям и лесбиянкам до него далеко! Он им устроит гей-парад! Мой дед на войне был истребитель танков! Я – истребитель танков! Обещаю, танк Градобоев будет подбит! Когда я могу начинать?

– Завтра. Студия готова. Лучшие операторы, режиссеры! Лучшие телекамеры! Начинай!

Немвровов засмеялся, стал тереть ладонь о ладонь, словно добывал огонь, и Бекетов видел, как сыпали из его ладоней сухие искры. Немвровов осмотрел своим счастливым бешеным взглядом студию, схватил кружку с недопитым кофе и шмякнул о жестяную стену, разбивая вдребезги.

Через два дня Бекетов, устроившись в мягком кресле перед телевизором, попивая из бокала сухое вино, смотрел передачу Немвროзова «Смута». Бородатый монах в подряснике бил в колокол, и от рыдающих звонов взбухало сердце. Немвросов, простирая руки, восклицал:

– Люди русские, опять на Русь пришла беда! Опять на русские города и селения напоззает темная смута! Опять явились бесы и с ними Князь тьмы, враг рода человеческого!

Болотная площадь переполнена темной толпой. Качание бесчисленных рук. Черные дыры ртов. Градобоев с яростным клекотом выбрасывает навстречу толпе железный кулак.

– Опять змей приполз к стенам Кремля и зарится на священные соборы! Опять покушается на святую царевну, ненаглядную нашу Россию!

На иконе извивается змей, раскрыв кровавую пасть. Его хвост касается стен златоглавого града. И у врат склонилась царевна, беззащитная перед чешуйчатым зверем. Всадник на коне нацелил копьe в растворенную змеиную пасть.

– Люди русские, неужели мы опять отдадим государство на растерзание кольчатому гаду? Опять искусимся на змеиную лeсть? Опять пойдeм в услужение к зверю? Неужели хотим повторения русской бeды?

С храма Христа Спасителя падают взорванные купола. Несутся по горящим степям конные армии гражданской войны. Стреляют в затылок пленным, и они падают с крутого откоса. Обугленные коробки домов в разоренных войной городах. Бредущие по дорогам толпы погорельцев и беженцев.

– Люди русские, кто из вас готов идти на Болотную площадь и пополнить армию зверя?

Снова толпа и оскаленный лик Градобоева.

– Кто, как бесстрашный Георгий, готов встать на защиту царевны, нашей родной России?

Икона, змей и царевна. Всадник с сияющим нимбом. И мелькнувший кадр с Чегодановым, который награждает крестами солдат и боевых офицеров.

Бекетов восхищался магическим даром Немвროзова. Тот ворожил, колдовал, заговаривал. Шаманил, камлал. Его голос был похож на рыдания, на призывный вопль, на страстную проповедь. Он закрывал глаза руками, словно видел ужасное зрелище. Бил себя в грудь, словно рвал себе сердце. Молитвенно складывал руки, а потом жестоко и яростно грозил кулаком.

На экране возник какой-то пустырь, усыпанный отбросами, похожий на мусорную свалку. Женщина с растрепанными волосами, босая, в растерзанном платье, нетвердо стояла. Ее изможденное лицо было в синяках и кровоподтеках, голые руки и ноги в ссадинах. Кругом топтались бомжи, кидали в нее комья грязи, плевали, норовили ущипнуть и ударить. Она не могла защищаться, вздрагивала от боли. А вокруг смеялись, хватали за платье, дергали за волосы.

Немвросов вопрошал:

– Мы оставим нашу Родину-Мать на растерзание негодьям? Чтобы они насильствовали ее, сдирали одежду, смеялись над ее наготой? Мы, трусливые и гадкие дети, не умеем защитить нашу матушку Русь?

Осквернители продолжали надругательство над женщиной. Один ударил ее хлыстом. Другой пнул ногой. Их оскалы, зубы, толстые губы, выпученные глаза, крючковатые носы были отвратительны и ужасны, как лица на картине Брейгеля «Несение креста». И среди этих лиц вдруг возникал Градобоев, остервенелый, хохочущий.

– И разве не найдется среди нас воин, способный отстоять Родину?

И опять икона с Георгием Победоносцем в алом плаще, золотое копье вонзается в змеиный зев. И мимолетно – Чегоданов в кабине истребителя, прилетевшего в дымящийся Грозный.

Передачу завершил Немвросов с воздетой рукой, стоящий в позе Кузьмы Минина. Нахмутив брови, с суровым и пламенным лицом героя, он воскликнул:

– Родина-Мать зовет!

Бекетов не ошибся в Немвროзове. Особенно хороша была постановочная сцена с мучениями женщины и характерной внешностью мучителей, чей облик должен был отталкивать зрителей.

– Молодец, Михаил! Ты лучший актер современности! – позвонил он Немвровову и допил бокал сухого вина.

ГЛАВА 7

Штаб-квартира Ивана Александровича Градобоева располагалась в дорогом особняке среди Зачатьевских переулков. Особняк был арендован на деньги тайного спонсора, который видел в Градобоеве будущего президента. Если выйти на маленький, изящный балкон, то можно было увидеть холодный проблеск Москвы-реки. Памятник Петру казался огромным перепончатым роботом, напичканным электроникой терминатором, который заскрипит, задвигается и начнет тяжело шлепать, перешагивая крыши домов. Градобоев, пренебрегая указаниями охраны, иногда выходил на этот балкон, вдыхая студеной осенний воздух. Усмехаясь своим честолюбивым мечтаниям, представлял, как в ночь после выборов он выйдет на балкон к своим обожателям, весь переулок будет кипеть восторженной толпой, мерцать бесчисленными вспышками фотокамер, а на реке возникнет корабль, украшенный бриллиантовыми огнями, и расцветут букеты победного салюта.

Но сейчас Иван Александрович, исполненный бодрости и азарта, начинал свой день, напоминая снаряд, который он выпустит по неприятелю Чегоданову. Так бронейщик выцеливает в окуляр вражеский танк, готовый всадить в него управляемую ракету.

Он принимал в кабинете своего главного охранника Семена Семеновича Хуторянина, человека с тихим голосом и осторожными, щупающими глазами. Охранник докладывал Градобоеву оперативную обстановку в городе, делился слухами и обрывками информации, которую добывал из доверительных источников в полиции, в службе безопасности, в Администрации президента. Сам Хуторянин, в прошлом работник спецслужб, имел связи в органах,

сохранившиеся со времен чеченской войны.

– Я бы просил, Иван Александрович, увеличить мою команду еще на четыре человека, и желательно подобрать машину и спецаппаратуру. Вокруг Чегоданова муссируются разговоры о «сакральной жертве», которую следует принести во имя победы на выборах. Меня, признаться, это очень тревожит.

– Пусть это вас не тревожит, Семен Семенович. – Градобоев ясным, чуть насмешливым взглядом осмотрел сутулого Хуторянина, который напоминал черепаху, готовую спрятать под панцирь сухую голову. – Слухи о «сакральной жертве» распространяют маги и звездочеты, взбадривающие унылого Чегоданова. Он сам и есть «сакральная жертва», которую принесут его подданные, когда увидят, что он проиграл.

– И все-таки, Иван Александрович, следует усилить меры безопасности. Прошу сообщать мне маршруты ваших передвижений по городу. И счел бы необходимым при входе в вашу штаб-квартиру установить рамку металлоискателя. К вам многие идут на прием, и кто знает, что у них в портфелях и сумочках.

– И это преждевременно, Семен Семенович, – мягко, чтобы не обидеть усердного телохранителя, произнес Градобоев. – Вы прекрасно работаете. Я вам благодарен. После нашей победы я предложу вам возглавить Федеральную службу охраны.

Охранника сменил работник аппарата, которому Градобоев поручал деликатные связи с финансовыми кругами и который добывал деньги, питавшие оппозицию. Коломейкин, тоже бывший работник спецслужб, был элегантный, веселый, завсегда с фуршетов и корпоративных вечеринок, где он завязывал дружеские отношения с банкирами, директорами корпораций, бизнесменами, которые пострадали от произвола Чегоданова и были готовы спонсировать оппозицию. Деньги в штаб Градобоева поступали в виде бумажных пакетов, туго набитых банкнотами, либо в виде подарков – автомобили, громкоговорители для митингов, арендованные особняки, зарплата адвокатам, авиационные билеты для многочисленных вояжей.

– Как прошла ваша лондонская поездка? – Градобоев торопился узнать, чем кончились встречи Коломейкина с миллиардерами, которые сбежали из России,

опасаясь преследований, и образовали в Лондоне группу влиятельных ненавистников Чегоданова. – Как было прочитано мое письмо?

– Его прочитала вся «великолепная семерка», с которой я встречался в отеле «Дорчестер». А тот, кто носит имя милого русского дерева, принимал меня в своем замке в окрестностях Лондона. И я любовался великолепным парком, стриженными газонами и золотогрудыми утками, которые летали над прудами.

– Я посылал вас в Лондон не за утками, – раздраженно перебил Градобоев велеречивого помощника. – Как письмо?

– Ваше обещание, в случае победы, вернуть их всех в Россию вызвало воодушевление. Почти все они изъявили готовность помочь деньгами. Я разрабатываю схемы, по которым деньги могут поступить в Россию, не привлекая внимания спецслужб. Одна из схем – получение траншей через некоммерческие организации.

Отпустив помощника, Градобоев открыл компьютер и сделал вброс в Интернет, разместив на своем блоге несколько яростных фраз.

«Воры из «Роснефти» украли очередной миллиард долларов на строительстве восточного нефтепровода, это ваши деньги, люди русские. Жулики псковской таможни построили восемь личных особняков в курортной зоне стоимостью десять миллионов долларов каждый, при этом половина псковичей живет в вонючих трущобах. Сын саратовского прокурора, гоня на позолоченном «бентли», сбил мать с ребенком, но был освобожден от ответственности. В Красноярском крае сгорели два дома инвалидов вместе с обитателями, – так администрация решает проблему ветеранов. В моей штаб-квартире было найдено подслушивающее устройство, похожее на ухо Чегоданова. Неужели он хочет услышать, как я называю его подлецом?»

Эта запись в блоге напоминала едкую каплю, которую Градобоев впрыснул в плоть невидимого моллюска, обитавшего в перламутровой раковине Интернета. Капля ужалила, моллюск сжался, по нему побежала судорога. Он сокращался, пульсировал. В нем возникали вздутия, он раздувался, становился громадным. Искрился, сверкал, таинственно вспыхивал, источал радуги. Интернет напоминал ночной океан, в котором колыхалось светящееся чудовище, расплескивая призрачные волны света.

Градобоев чувствовал жизнь чудища, сплошь покрытого миллионами крохотных глаз, безмолвно растворявшихся ртов. Мог управлять его перистальтикой, будить среди ночи, мучить больными уколами. Мог с его помощью поднимать в океане бурю, опрокидывающую жалкие челноки и суденышки чиновничьих репутаций, рвать дамбы, возводимые кремлевскими политиками, вздымать цунами, обрушивая удары на кремлевские стены, за которыми в страхе притаился его враг Чегоданов.

У Градобоева не было танковых колонн и воздушных армий, секретной полиции и отрядов ОМОНа. У него был маленький блог, который был могущественнее «ядерного чемоданчика», мог сокрушить власть, истереть в порошок кремлевские башни, растворить в едкой кислоте идеологию государства.

Интернет был его партией, его политическим оружием, его стихией, которой он умел управлять, как древние колдуны управляли землетрясениями и потопами, сметая с лица земли непокорные царства.

В кабинет вошла пресс-секретарь Елена Булавина. Он покидал Интернет, как покидают ночной океан, выходя на берег из маслянистых светящихся волн.

– Подойди ко мне, – протянул к ней руки. Она подошла улыбаясь, и он, не вставая, обнял ее бедра, прижался лицом к дышащему животу. Чувствовал ее силу, аромат духов, прелесть доступного тела. Она смотрела сверху смеющимися зеленоватыми глазами.

– Сегодня у нас три интервью, и их не нужно откладывать, – сказала Елена, и, отпуская ее, он успел поцеловать ее теплое колено.

Первое интервью он давал журналистке из таблоида «Все вокруг», многотиражного желтого издания, которое читают в метро и на кухне и которое развлекает обывателя сплетнями, слухами и скандалами. Журналистка была длинноногая, на высоких каблуках, в короткой юбке. Шары груди сочно выкатывались из тесной блузки. В матовой ложбинке золотился пикантный крестик. Огромные, как у целлулоидной куклы, глаза были окружены пышными накладными ресницами. Надувные губы в маслянистой помаде, казалось, были готовы к поцелуям. Округлые движения бедер, ярко-красный пластмассовый пояс, волосы, которые она поминутно отбрасывала назад, – все это делало ее похожей на танцовщицу, начинающую свой сладострастный танец у

хромированного шеста.

– Вы позволите, господин Градобоев? – Она уселась перед ним, забрасывая ногу на ногу, так что открылись кружева ее белья. – Мы можем начинать? – Она положила на стол маленький диктофон с мерцающей каплей индикатора, приблизила к кнопке палец с красным ногтем. – Итак, мой первый вопрос. Что вы будете делать через час после вашего избрания президентом?

Градобоев жадным взглядом блестящих глаз осмотрел ее, будто подбросил, и она закружилась вокруг хромированного шеста, сбрасывая юбку, блузку, кружевной лифчик, оставаясь в хрупких туфельках; полногрудая, с плотным животом и развеянными волосами.

– Через час после избрания я прикажу арестовать всех жуликов и воров в правительстве, правящей партии и Администрации президента. Я устрою судебный процесс века в Мраморном зале Дома союзов, и каждый подсудимый будет каяться перед народом: «Я, мерзкий ворюга, своровал миллиард долларов. Возвращаю деньги ограбленным мною сиротам. Заслуживаю расстрела»; «Я, гнусный мошенник, похитил два миллиарда долларов. Возвращаю их старикам и немощным. Пусть меня повесят на фонаре».

Журналистка впитала в себя взгляд Градобоева, как медуза впитывает влагу. Повела плечами. Поправляя крестик, раздвинула вырез блузки.

– Могли бы вы пригласить меня на прогулку под фонарями, где будут висеть воры и мошенники?

– Обещаю погулять с вами по Тверской под оранжевыми фонарями, где будут раскачиваться министры, депутаты и генералы. Мы будем с вами неплохо смотреться.

Журналистка быстрым языком облизала губы, обольщая Градобоева покачиванием красивой ноги, глубоким вдохом, от которого груди почти выкатились из тесного шелка.

– Наши читатели знают вас как страстного оратора и бесстрашного политика. Но какой вы человек? Например, какие женщины вам нравятся?

Градобоев испытал моментальное слепое влечение и остановился в своем вожделении. Звериным нюхом почувствовал опасность. Так лесной чуткий зверь среди запахов древесной коры, ароматных цветов, пахучих подземных грибниц улавливает кисловатый запах железа, угадывает присутствие капкана, слышит дуновение смерти. Осторожно огибает гиблое место. Градобоеву был известен коварный прием ФСБ, когда врагу режима присылалась соблазнительная женщина, увлекавшая неосторожного мужчину в свою спальню. И потом в Интернете появлялись картинки, где герой оппозиции представал в своих бесстыдных забавах. Градобоев угадал в искусительной журналистке посланницу спецслужб, и это открытие развеселило его. Он делал вид, что очарован и обольщен.

– Вы спрашиваете, какие женщины мне нравятся? Длинноногие. С грудью, которую не нужно рассматривать в увеличительное стекло. С волосами, в которых гуляет ветер. И с глазами, ну, такими, какие у вас! – Он восхищенно смотрел на нее.

– А какие вы любите блюда? В какие рестораны ходите?

– В районе Чистых прудов есть малоизвестный ресторанчик вавилонской кухни. В нем подают бифштекс из знаменитого вавилонского зверя, у которого змеиная голова, передние ноги льва, а задние – птичьи, рыба чешуя и львиная шерсть. Зверя подают с подливкой из лепестков лотоса и почек молодого анчара.

– Боже, какой изысканный вкус! А какой досуг вы предпочитаете?

– Каждый уик-энд я летаю в Лондон по приглашению королевы Англии, и в Букингемском дворце мы играем с ней в покер, или музицируем в четыре руки на клавесине, или забавляемся, стреляя друг в друга в темноте из пистолетов, как это заведено в «русской рулетке».

– О, да вы настоящий аристократ! А каково ваше хобби?

– Я коллекционирую горные хребты, а также фантики от конфет, которыми лакомились в XVIII веке. Еще я коллекционирую нательные крестики набожных католичек.

Градобоев кивнул на золоченый крестик, удобно расположившийся на одном из великолепных полушарий.

– Что ж, я готова пополнить вашу коллекцию. – Журналистка чарующе улыбнулась своими влажными надувными губами. Выключила диктофон. Протянула Градобоеву визитную карточку с крохотной цветной фотографией. – Звоните.

Когда она вышла, Елена усмехнулась:

– Ты сам похож на вавилонского зверя с птичьими ногами и кошачьей головой. Тебе нравятся такие женщины?

– Не ревнуй. – Он притянул ее за руку. – Смотри!

Градобоев достал ручку и на визитке под смазливой фотографией нарисовал две перекрещенные кости. Выкинул визитку в корзину.

Следом в кабинет был приглашен главный редактор влиятельного либерального издания «Честная газета». Издание выходило на деньги нескольких банков и фондов, вело искусную антикремлевскую пропаганду, соединяло все оттенки либеральных воззрений и неявно осуществляло связь российской либеральной политики с зарубежными культурными и политическими центрами. Главный редактор Луцкер был квадратный, без шеи, с жирной грудью, сальными, ниспадающими до плеч волосами. Его мясистое лицо было бурачного цвета, нос в мелких склеротических сосудах, ноздри густо заросли волосами, а борода напоминала сочную котлетку. Он был страстный, самолюбивый, обидчивый. Был награжден французским орденом Почетного легиона и заседал в Совете по правам человека.

– Простите, опоздал. Завтракал с советником президента Стоцкого. – Луцкер протянул Градобоеву жирную ладонь, неряшливо порылся в карманах, извлекая диктофон. Тяжело рухнул в кресло, издав заросшими ноздрями звук лопнувшей автомобильной покрышки. – Ну, начнем.

Градобоев зорко оглядывал визитера, с легкой неприязнью к его неопрятному виду, демонстрируя любезность и радушие. Он нуждался в таком союзнике, как Луцкер. Выступление в «Честной газете» было престижным, делало его лидером

респектабельных оппозиционеров. Говорило о том, что он, трибун и любимец площади, кумир толпы и революционер, получал благословение у старых борцов с режимом, у маститых деятелей культуры, эмигрантов, либерально настроенных банкиров и предпринимателей.

– Позвольте спросить, любезный Иван Александрович, как вы видите политический процесс в России накануне выборов? Как он вам видится с трибуны Болотной площади? И не превратится ли эта трибуна в баррикаду?

– Россия беременна революцией. Болотная площадь – это матка, где созревает эмбрион революции. Я – ее акушер, готов принять роды. Кремлевская власть становится все более фашистской. Чегоданов по своей глубинной сущности фашист, и на его лбу все отчетливее проступает свастика. Он точит скальпель, чтобы зарезать революцию в чреве. Или, как царь Ирод, заколоть родившегося младенца. В ближайший месяц революционный народ столкнется с фашистской властью. И это произойдет сразу же после фальшивых выборов, где у меня украдут победу.

Было видно, что ответ понравился Луцкеру. Его синие глазки ярко забегали на красном мясистом лице.

– Так почему же, скажите на милость, на Болотной площади рядом с вами я не вижу левых, националистов, представителей подавляемых меньшинств, мусульманских активистов, звезд шоу-бизнеса? Почему вы не призовете их себе на помощь? Ведь все согласны, что вы единственный конкурент Чегоданову.

– Я рад был бы увидеть их рядом с собой. Передаю через вашу замечательную газету, что я готов потесниться на трибуне и предоставить им почетное место. Русская революция, которая начинается, не является «оранжевой», как утверждает Чегоданов. Она многоцветна – алая, золотая, бирюзовая, белая, изумрудная. Она как праздничный салют, как цветочная клумба. Революцией руководит не один лидер, а букет лидеров. Давайте соберем этот букет. И либо вместе отпразднуем мою победу на выборах, либо вместе возглавим революцию.

Луцкер покраснел, сочно шевелил губами, шумно дышал и выглядел как человек, перед которым поставили тарелку вкусной еды. Он ее нюхал, глотал, смаковал, впитывал сладкие соусы, поглощал острые приправы. Этой пищей был Градобоев. Его вдыхал и вкушал опытный гастроном, и Градобоев не противился

этому поеданию. Луцкер, поглощая кушанье, в свою очередь, сам был едой, которую поставили на стол Градобоеву. В политике все, даже соратники, неявно поедают друг друга. И все политическое поле усеяно скелетиками обглоданных неудачников.

– А теперь позвольте спросить. Что все-таки будет, если Чегоданов, вопреки всем замерам его низкой популярности, благодаря выборным подтасовкам и махинациям, победит? Как вы себя поведете?

– Призову народ к восстанию. Вот тогда трибуна Болотной площади превратится в баррикаду, – эффектно произнес Градобоев.

Елена, любясь своим кумиром, кивала, ее лицо стало пунцовым от восхищения.

– Но позвольте пофантазировать. Повторяю, это только фантазия, только гипотеза, и не более. – Луцкер закрыл синие глазки, сделал глубокий вдох, отчего его тело расширилось, кожа натянулась, и он стал похож на гриб дедушкин табак, который, лопаясь, извергает из себя коричневый дым. – Если предположить на минуту...

Градобоев чутко замер, услышав едва различимый толчок, предвещавший главное содержание беседы, объяснявший, почему маститый редактор пожаловал к нему сам, а не прислал корреспондента.

– Предположим, начнется восстание, и улицы покроют баррикады, и, быть может, упаси господь, на московских площадях прольется кровь. Что, если действующий президент Стоцкий объявит выборы недействительными, назначит перевыборы? По Конституции, в этих новых выборах вы не сможете участвовать, и ваше место займет другой. В том числе и ныне действующий президент Стоцкий. Быть может, вы бы согласились отдать ему свои голоса, свой потенциал, а он, став президентом, приблизил бы вас к себе. Предложил портфель министра или даже назначил премьер-министром. Вы, молодой политик с президентским будущим. Вам полезно пройти школу премьера, понять истинные пружины власти.

Это прозвучало неожиданно, но Градобоев не выдал своих чувств даже дрожанием зрачков. Ему предлагался договор с президентом Стоцким, который, прожив унижительные четыре года под властной дланью Чегоданова, решил

предать своего друга, сбросить оскорбительное иго, взять реванш за все унижения. Градобоеву предлагалось стать участником вероломной интриги, решавшей судьбу власти.

– Вы понимаете, это только журналистское предположение, – произнес Луцкер, выпуская из ноздрей жаркий воздух.

– Политика вступила в такую фазу, что возникает множество вариантов развития. И каждый из них осуществим. Иногда мне кажется, что не мы делаем политику, а она формирует нас. И ей выбирать, каким путем двинется русская история.

Ответ был уклончив и в своей неопределенности содержал предложение еще раз вернуться к этой гипотезе. Умный и чуткий Луцкер прикрыл и снова раскрыл свои синие глазки. После нескольких незначительных вопросов выключил диктофон.

– Все-таки лучше встречаться не на баррикадах, а за стойкой бара. – Он выкатился из кабинета, переваливаясь на коротких ногах.

– Ну, как тебе нравится? – Градобоев обратился к Елене, которая что-то быстро записывала в блокнот. – Не исключаю, что вскоре у меня состоится тайная встреча с президентом Стоцким. Что ты на это скажешь?

– Я плохой советник, у меня нет политологических прозрений. Я люблю тебя и тонко чувствую, где тебя подстерегает опасность. Рядом с тобой должен находиться человек, который понимает всю огромную машину власти, знает ее потаенные пружины и кнопки. Поможет тебе нажать самую нужную кнопку, чтобы машина последовала твоей воле, и не нажать ту, что вызовет взрыв.

– Согласен, дорогая. Я действую на ощупь, в потемках. Но пока что, согласись, безошибочно. Кто у нас следующий?

Следующим был корреспондент «Нью-Йорк тайме», Джеффри Стикс, моложавый американец, с тонкой шеей и сухими запястьями. Светлые волнистые волосы, нос с горбинкой, маленький розовый рот, свежее девичье лицо, бледные голубые глаза. Тихо смеющиеся и любезные, они вдруг холодели, становились пронзительными и почти жестокими. Ладонь, которую он протянул Градобоеву,

была большая, сухая и холодная, клетчатый просторный пиджак источал едва ощутимый запах вкусного табака.

– Благодарю, что согласились меня принять. Я получил от руководства указание взять у вас интервью. Сейчас вы знамениты в России, но после этого интервью вы станете мировой знаменитостью. – Он говорил на прекрасном русском языке, лишь иногда останавливаясь и выбирая правильное слово. Он был мягко ироничен, но эта ирония относилась не к собеседнику, а к себе самому.

– Для меня большая честь принимать у себя корреспондента великой газеты, – произнес Градобоев, стараясь быть столь же ироничным и мягким.

– Похоже, России предстоит горячая зима, если судить по осенней политической температуре, – заметил американец, включая диктофон.

– Ничего удивительного. Мировое потепление климата. У вас, на Манхэттене, плавятся стекла. Нил кипит. А Греция похожа на раскаленную сковородку.

– И все-таки этот протестный взрыв в России произошел очень внезапно. Все было тихо, спокойно, люди терпели, и казалось, нет конца этому русскому терпению. И вдруг – взрыв. Что случилось?

– Россия – страна великого терпения и великих взрывов. Народ терпел империю Романовых триста лет и сбросил ее в три дня. Советская империя длилась семьдесят лет и казалась вечной, но ее сдуло в три дня. Такие уж ветры в России и такие империи.

– Но господин Чегоданов казался несомненным национальным лидером, и его избрание президентом не вызывало сомнения.

– Все это в прошлом. Теперь у России другой национальный лидер.

Градобоев слегка рисовался перед Джеффри Стиксом, видя, что тому это нравится, вносит в политическое интервью элемент игры. Маленький розовый рот корреспондента сдержанно улыбался. Голубые глаза смеялись.

– И все-таки нам, на Западе, не очень понятна цель оппозиции. Ее идеология, программа. Чего вы добиваетесь, выводя на площадь десятки тысяч людей? Поражения на выборах Чегоданова? Своей победы? Но ваша программа многим кажется популистской, абстрактно революционной. Ваше правление может оказаться не лучше чегодановского. Как говорят в России: «Хрен редьки не слаще».

– Наша цель – свобода. Недопущение авторитарной власти, предотвращение диктатуры. Мы стремимся создать в России общество европейского типа с независимыми судами и свободным многопартийным парламентом. На этом сходятся все представленные в оппозиции силы. И я выражаю эту общую точку зрения.

Глаза американца потемнели, в зрачках появились блестящие черные точки. Губы сжались, превратившись в маленький пунцовый бутончик. Горбинка на носу порозовела, а сам нос стал подвижным и чутким.

– Каким вы видите экономический уклад будущей России, в случае если удача улыбнется вам и вы станете президентом?

– У нас сохранится свободная экономика, избавленная от гнета чиновников. Мы привержены мировому разделению труда, оставляя за собой традиционные для нас рынки. Мы будем способствовать интеграции нашей экономики с западной развитой экономикой.

Джеффри Стикс, казалось, не довольствуется записью диктофона, а ведет какую-то свою потаенную запись, отыскивая в словах Градобоева глубинный смысл. Этот смысл он добывал всеми органами чувств. Пронзительными мерцающими зрачками. Сжатым розовым ртом, превратившимся в присоску. Чутким, тонко вдыхающим носом. Покрасневшими мочками маленьких ушей. Кончиками пальцев, которые он направлял в сторону собеседника, словно ловил исходящее от Градобоева излучение. Градобоев понимал, что его изучают, делают психологический портрет. И этот портрет пополнит досье, которым оснастил себя американец, направляясь на встречу с ним.

– Почему, как вы считаете, в России столь сильны антиамериканские настроения?

– Не сильнее, чем в Европе и остальном мире. Россия оказалась разгромленной в холодной войне, и антиамериканизм – это комплекс проигравшего. Чегоданов поддерживает в народе этот комплекс, чтобы создать из Америки «образ врага». Мы будем всячески этому противодействовать, и, не сомневаюсь, мы преодолеем этот комплекс.

– Не кажется ли вам, что Россия вступает в неоправданную гонку вооружений? Слишком большие деньги тратятся на создание бомбардировщиков, подводных лодок и танков. Ускоренно обновляется парк стратегических ракет. С кем собирается воевать Россия?

– Это все тот же, свойственный Чегоданову, имперский синдром. Недавно один из моих друзей-политологов сказал, что если бы Россия вообще отказалась от ядерного оружия, то исчезли разделяющие нас с Америкой противоречия и опасения. Мне кажется, над этим тезисом стоит подумать.

Американец был сверхмощным суперкомпьютером, тщательно замаскированным под обаятельного джентльмена в клетчатом пиджаке. Под этим пиджаком что-то тихо шелестело, мерцало, бежали бесконечные ряды цифр. Образ Градобоева, его слова превращались в электронную кривую, в моментальный импульс. Через коммуникационный спутник попадал в секретную штаб-квартиру, где сверялся с другими импульсами, другими прихотливыми кривыми. И другой джентльмен, в таком же клетчатом пиджаке, с такой же горбинкой носа, извлекал из принтера листок с аналитической информацией.

Градобоев чувствовал, что решается его политическая судьба. Невидимый арбитр, долго наблюдавший за ним, теперь выставляет ему оценку. И от этого зависит, подключатся ли к нему незримые мировые силы, возводящие и низвергающие политиков, создающие и разрушающие государства. Или он не выдержит тест, и его сдует, как тополиный пух.

– Как будет развиваться внешняя политика России? Ведь до сего дня Чегоданов балансировал между Востоком и Западом, между Америкой и Китаем. Но, кажется, теперь мир подходит к своей критической черте, когда необходимо сделать выбор.

– Не стану лукавить. Китай является для нас стратегическим противником. Он занес свою желтую длань над Дальним Востоком и Сибирью, и без помощи

Запада нам не удержать территорий. Мы готовы сотрудничать с Америкой в республиках Средней Азии, не станем препятствовать созданию там американских военных баз. И, в случае необходимости, мы готовы рассмотреть вопрос о создании американской военной базы в Приморье.

Джеффри Стикс замер, словно в нем на мгновение остановилось сердце и невидимый объектив сделал стоп-кадр. Вновь ожил, мило заулыбался, сжал пальцы, убрав внутрь кулака расположенные на их кончиках приборы. Задал еще несколько малозначащих вопросов и выключил диктофон.

– Господин Градобоев, как бы вы отнеслись к тому, чтобы пообедать с нашим послом в Москве господином Кромли?

– Для меня это высокая честь. Однако вы понимаете, как пошатнется моя репутация, если о такой встрече станет известно?

– Мы отдаем себе в этом отчет. Обед будет проходить в резиденции посла Спас-Хаус без афиширования.

– Я жду приглашения.

– Считайте, что вы его получили. О времени вас известят. – Американец поднялся, высокий, с длинной шеей, с милой улыбкой на маленьких розовых губах.

Когда он вышел, Градобоев с шумом повернулся к Елене:

– Ты понимаешь, что это было? Кто он, журналист или психолог ЦРУ?

– Я тебя поздравляю, – взволнованно откликнулась Елена. – Это рубеж в твоей политической карьере. Тебя приглашают к послу на смотрины.

– Ты помнишь тот знаменитый вояж Горбачева в Англию, где ему устроила смотрины Тэтчер? И ту поездку Ельцина в Сиэтл, где он прошел тест на будущего президента России? Похоже, американцы рассматривают меня всерьез как будущего президента.

- Ты и есть будущий президент.

- Этому американцу я говорил не то, что я думаю, а то, что он должен был услышать.

- Ты мастер дипломатических формулировок.

- Ты согласна, что я знатная птица?

- Ты великолепная знатная птица. Я бы сказала, жар-птица.

Градобоев крутанулся на каблуке, обхватил Елену за талию и поцеловал в голую шею. Интернет бушевал от его послания, как лесной пожар, расплескивая во все стороны огненные брызги. И там, куда падала капля огня, возникал новый очаг пожара. Красивая развратница на длинных ногах унесла его веселые шутки в свой многотиражный даблоид, и миллион обывателей уткнулись своими рыбьими глазами в его портрет. Похожий на лесной гриб Луцкер, опасный интриган и лукавый сплетник, передал ему зашифрованное послание от президента Стоцкого. И этот хлыщеватый журналист из «Нью-Йорк тайме» был гонцом могущественного посла, поддержка которого сулила ошеломляющий успех. Первая половина дня прошла превосходно, и можно было теперь пообедать.

ГЛАВА 8

Градобоев и Елена обедали в соседней комнате, куда официант из ресторана принес накрытые крышками блюда. Осетровая уха с ломтями янтарной рыбы была чудесной. Телячий стейк был свеж и едва сочился кровью. Золотистое шабли нежно булькало, проливаясь в бокалы. Елена смотрела, как ест Градобоев. Он делал это, как и все остальное, - быстро, порывисто. Почти не пережевывал пищу, а глотал ее, как сильный голодный зверь. Громко разгрыз хрящ. Жадно отпил вино. Отер влажные губы салфеткой и отбросил ее, так что она упала на пол.

Все это возбуждало Елену, она восхищалась его неукротимой стихийной силой, которая делала Градобоева президентом бунтующих масс, тоскующих по силе,

отваге, мужественной воле. Казалось, Градобоев давит своей мощью на бушующую вокруг него жизнь. Оставляет в ней вмятины, раздвигает, прокладывая в ней коридор. Елена движется вслед за ним по этому коридору среди ревущей по сторонам опасной стихии.

Она как-то в шутку сравнила его с Моисеем, перед которым расступилось Черное море, и истомленный, алчущий Обетованной земли народ прошел по сухому дну. И она идет за ним следом по этому открывшемуся, в ракушках и водорослях дну с остатками затонувших кораблей. И обетованной целью, которая влечет их обоих, служит Кремль, его розовое чудо, его мистическое золото, его волшебный магнетизм.

– Я прохожу очень опасный и увлекательный момент, – говорил Градобоев, отпивая вино. – Мировое еврейство, которое следит за процессами в России и участвует в них напрямую, кажется, готово сделать на меня ставку. Мое письмо к опальным банкирам в Лондон имеет самый положительный отклик, и это сулит мне неограниченное финансирование. Либеральные группы в окружении Чегоданова, олицетворяемые президентом Стоцким, готовы со мной сотрудничать, а это удар в спину Чегоданова. И, главное, американский посол, этот еврей-русофил, декламирующий по-русски Пушкина, приглашает меня на свидание. Еврейская мировая энергия в очередной раз готова питать русскую революцию. Но она опять ошибется. – Он засмеялся и сделал крупный глоток вина.

Елена с обожанием глядела на Градобоева, который представлялся ей кудесником, сжимавшим драгоценный сосуд. В этот хрустальный сосуд вливались разноцветные напитки, светоносные настои. Смешивались, бурлили. Меняли цвет – от золотого и нежно-лазурного, до зловеще-фиолетового и кроваво-красного. Выпадали таинственные осадки, вырастали причудливые кристаллы. И чем кончится эта алхимия, – возникнет ли дивный, невиданной красоты самоцвет или случится оглушительный взрыв, который погубит сосуд и алхимика?

– Верю, мой милый, что твоя интуиция позволит тебе разглядеть все опасности. Ты – не марионетка банкиров и послов-русофилов. Ты – национальный лидер, выражающий волю народа.

Ей было сладко произносить эти слова. Сладко знать, что ее обожание питает его, необходимо ему. Она освещала его своей страстной женственностью, и он

переливался в ее лучах. Она создала его образ как воплощение силы, победной энергии и мужественной красоты. И предлагала этот образ другим, приглашая на встречи с ним дружественных журналистов, знакомых писателей и художников, которые, находясь под ее обаянием, писали статьи и эссе о восходящей русской звезде.

– В том-то и тонкость, моя дорогая. Есть идеология власти, а есть политтехнология. Эта капризная девушка предполагает бесчисленные компромиссы, построенные на лукавстве, обмане, уловках. И суть политики в том, чтобы политтехнология не растворила в себе идею. Иначе лидер становится жалкой песчинкой в руках мировых силачей. Ленин использовал еврейскую энергию и взял власть. Но сохранил ли он при этом идею?

Она не понимала его до конца. Не вникала в тайны его страхов, его мгновенных сомнений. Она воспринимала его целостно, как скульптуру, в которой не видны внутренние вкрапления, прожилки, изъяны материала. А только великолепная пластика, плод работы искусного скульптора, которым она сама и была. Она создавала эту совершенную скульптуру, продолжая привносить в нее последние штрихи совершенства.

– Ты знаешь, мой милый, как я стараюсь тебе помочь. Я верю в твою звезду, в твою победу. Весь мой опыт, мою любовь, мою веру я посвящаю тебе. Но рядом с тобой нет человека, который был бы тебе советником во всех политических хитросплетениях. Кто бы знал в совершенстве устройство кремлевских лабиринтов, нити и струны, связывающие кремлевскую знать. Кто умел бы играть на этих струнах.

– Но такого человека нет рядом и с Чегодановым. Был Бекетов, но самодовольный Чегоданов отправил его в ссылку. И сразу просел, стал совершать ошибку за ошибкой. Кстати, кажется, у тебя с Бекетовым был роман?

– У меня роман только с одним человеком. С тобой.

Произнесла это и вдруг увидела, словно сквозь заплывшее водой стекло, лицо с высоким лбом, платиновую седину у висков, чистые спокойные глаза, которые вдруг замирали, устремлялись в таинственную даль, и хотелось приблизить к ним губы, тихо поцеловать, чтобы не спугнуть видение. Восхитительный полет по шоссе из Брюсселя, когда примчались в Париж, горячий, пахнущий бензином

и молодой травой. Кормили голубей у Нотр-Дам-де-Пари. Плыли на милом кораблике по Сене среди отраженных золотых фонарей. И потом чудесная ночь в гостинице, когда она вдруг открывала глаза и в распахнутом окне Эйфелева башня казалась огромной бриллиантовой булавой, которую вонзили в бархат парижского неба.

Все это проплыло и кануло, оставив тихую боль и неясный страх.

– Мне кажется, что мы с Чегодановым находимся в непрерывной схватке, каждую минуту, каждое мгновение. Я чувствую его на расстоянии в его кабинете, или в несущемся по Москве автомобиле, или в резиденции, куда он приглашает своих советников. Мне даже кажется, что я чувствую его в постели с женщиной. Моя воля и его столкнулись в непримиримой борьбе, и я побеждаю, он гнется, уступает. У меня нет разведки и полиции, нет воздушных и танковых армий, нет могущественного телевидения. Но я сильнее его, он сдаётся, уменьшается, а я увеличиваюсь. Судьба повернулась ко мне, а от него отвернулась. Но я суеверно боюсь ошибиться, чтобы не отпугнуть судьбу, чтобы я оставался ее любимцем.

– Ты любимец судьбы, мой милый. Она направляет твою волю. Ты действуешь безошибочно. Твоя воля к власти – это воля самой истории. Через тебя действует судьба самой России. Ты – избранник русской судьбы.

Она вдохновляла его, внушала ему мысль о его богоизбранности и видела, что он жадно впитывает эту пьянящую мысль. Она была его Берегиней, благой и охраняющей заступницей. Окружала его непроницаемым коконом, сквозь который не проникнет злобное слово, черная мысль или убийственная пуля. Его корабль среди водоворотов и бурь летел к победе, а она была статуя на носу его корабля, крылатая сирена с алыми крыльями и позолоченными грудями.

– У меня есть тайна, о которой никому не рассказывал.

– Какая тайна, милый?

– Когда-то в детстве, маленьким мальчиком, на даче я вышел на крыльцо рано утром. Солнце только встало, трава была седая от росы и местами дивно переливалась. Я стоял босиком на сыром крыльце и среди блестящей травы увидел чудесный бриллиант. Стоило чуть шевельнуться, и он становился

лиловым. Поворот головы, и он золотой. Бирюзовый. Алый. Дивно фиолетовый. Я был восхищен, играл с этой бриллиантовой каплей. В моем детском воображении это было сказочное божество, диво, явленное мне. Это была любовь, блаженство, предчувствие всей огромной, предстоящей мне жизни, в которой меня ожидает неизъяснимое чудо. Я неотрывно любовался бриллиантом, и вдруг он погас. Должно быть, капля упала. Я наклонял голову, искал глазами и не находил ее. Будто кто-то унес бриллиант. И я испытал такую печаль, такое огорчение, такую надежду, что когда-нибудь я его снова увижу. Мне снова его покажут, и я испытаю высшее блаженство. И недавно, на митинге, мне показалось, что я снова вижу бриллиант. Он приближался со стороны Кремля, был звездой моей победы. Лишь немного не достиг меня и исчез. Я никому не говорил об этом, только тебе.

– Ты мистик. Твоя борьба наполнена знаменами. Ты соизмеряешь свои успехи и неудачи с этими небесными знаками, и они тебя не обманывают.

– Тогда, на митинге, когда толпа ликовала и ненавидела, готова была нести меня на руках в Кремль, мне явился этот бриллиант. Это было око Божье, Бог видел меня, явился мне, требовал от меня бесстрашия и веры. Мне не страшны угрозы Чегоданова, его намеки на «сакральную жертву». Если со мной Бог, то кто против меня?

– Я открою тебе. Мне приснился вещий сон. Будто ты президент, твой кортеж мчится по московским улицам сквозь Триумфальную арку, и народ кидает тебе цветы. Тыходишь в Кремль, в тронный зал и приносишь присягу на Конституции. А я стою среди генералов, министров, самых знатных людей, и сердце мое ликует. Ты видишь меня и улыбаешься, и все знают, что ты улыбаешься мне.

– А кому же еще? Ты первая леди. Ты самая красивая, самая умная, самая знаменитая женщина России.

– Я хочу заказать твой портрет какому-нибудь прославленному художнику. Может быть, Илье Глазунову с его величественной имперской манерой. Пусть нарисует тебя на трибуне под осенним московским небом, перед туманным Кремлем, и над тобой сверкает бриллиант.

Он счастливо, жадно смотрел на нее. Встал и отбросил стул. Она поднялась навстречу. Он сжал ее, огладил всю, от шеи до колен. Стал раздевать, путаясь в молнии, обрывая неловко пуговицы. Она стояла перед ним обнаженная, торжествуя, чувствуя свою власть над ним, а он целовал ее шею, плечи, грудь, прижимался горячим лицом к животу, бедрам, коленям. Нетерпеливо и сильно опустил на диван, и она видела, как он стягивает, почти сдирает с себя рубаху, как напрягаются на его плечах сильные мускулы, как блестит золотой нательный крестик.

Он был жаден, неистов, грубо мучил ее. Она терпела его насилие, видела близко над собой его трепещущие белки, приоткрытый рот с крепкими мокрыми зубами. И когда невыносимое и сладкое страдание расплавало всю зримую явь и его безумное лицо превратилось в бестелесную вспышку, из этой вспышки вдруг возникло другое лицо – светлый высокий лоб, платиновая седина на висках, светящиеся тайной глаза.

ГЛАВА 9

Елена выполняла наказ Градобоева, который хотел привлечь к себе талантливых художников и поэтов, чтобы те привнесли в протестные манифестации творческую фантазию. Превратили политический митинг в театральное действо. Она направилась в галерею, где проходил вернисаж модного художника Скороходова, мастера авангардной скульптуры. Там должны были появиться живописцы, дизайнеры, арткритики, поэты-нонконформисты – вся московская художественная богема, среди которой у Елены было много приятелей.

Она вела свой изящный автомобиль «опель-вектра» по сырым московским улицам, стиснутая со всех сторон скользящими машинами, красными и белыми вспышками, нервными мерцаниями. Раздражалась видом размытых в дожде фасадов, назойливых реклам, безвкусных вывесок, за которыми вдруг возникал сиротливый ампирный особняк или новомодный дом – скопище нелепых башенок, арок, колонн. И, только раскрыв над собой зонтик и перебегая тусклые лужи, она обрадовалась, предвкушая встречу с милыми сердцу знакомцами, с их абсурдистскими фантазиями.

Выставка известного мастера Скороходова называлась «Стань птицей», о чем извещал плакат с портретом Скороходова, и впрямь похожего на изумленную, нахохлившуюся птицу – круглые глаза, заостренный нос, гребнем стоящие волосы. Галерея располагалась в помещении бывшего трамвайного депо, и дизайнеры сохранили кирпичную кладку стен, железные балки перекрытий, остатки трамвайных рельсов, врезанных в бетонный пол. Елена, оказавшись в просторном, грубо и хлестко оформленном зале, испытала радостное волнение, не исчезнувшее с тех дней, когда она содержала небольшую модную галерею, собиравшую весь бурлящий и экстравагантный авангард. Теперь она бегло и счастливо осматривала экспозицию, переходя от одной фантастической птицы к другой.

Одна птица была сконструирована из консервных банок и обрезков жести. Напоминала чешуйчатого петуха с серебристым гребнем и яростными глазами из бутылочного стекла. Петух чем-то неуловимо был похож на самого Скороходова. Тронув жестяной завиток, Елена услышала, как задрезжала скульптура, голова петуха стала раскачиваться, словно тот собрался клевать зерно.

Другая птица была склеена из старых газет, глянцевого журналов, молочных пакетов. Она стояла на длинных ногах из бамбуковых лыжных палок и являла собой пеструю цаплю с грациозно выгнутой шеей. Эта цапля тоже странным образом походила на Скороходова, и Елена ласково погладила ее глянцевое перо, вырезанное из журнала «Плейбой».

Третья птица была собрана из старых шестеренок, поршней, рычагов, негодных автомобильных узлов, каких-то болтов и пружин. Это была сова с желтыми злыми глазами, которые мигали, как автомобильные поворотники. Елена усмехнулась, легонько щелкнула в лоб сову, как это делала иногда в ответ на дурацкие шутки Скороходова.

Весь зал был уставлен птицами, на изготовление которых пошли материалы, добытые на помойках и свалках. Тут же висела клетка с живой пестрой птичкой, которая скакала, тонко посвистывая. На полу стояла старая эмалированная ванна с желтоватой жидкостью, похожей на гель, и длинный картонный ящик, полный куриного пуха, словно в ящик вытряхнули содержимое перины.

Елена торопливо обошла экспозицию, среди которой расхаживали редкие посетители, и приблизилась к группе стоявших поодаль художников, пришедших на вернисаж поддержать своего товарища.

– Бог мой, Елена Прекрасная! – приветствовал ее чернобородый художник с большим лысым черепом, обнимая и слишком тесно к ней прижимаясь. Его большие холсты с волшебными цветами пользовались успехом на европейских выставках. – Сколько лет, сколько зим! А мы думали, что Бекетов увез тебя в иммиграцию и ты открыла галерею на Манхэттене.

– Как видишь, нет. – Елена освободилась из рыхлых объятий. – Мой удел – русские помойки и свалки.

– Мы не жалуемся, – засмеялся маленький изящный художник с влажными восточными глазами и с серебряным перстнем. Это был мастер поп-арта, чьи работы наполняли музеи мира. – В России все больше помоек и свалок. У меня есть проект превратить одну из подмосковных свалок в портретную галерею современных политиков. Депутаты из пластиковых бутылок, сенаторы из пищевых отходов, генералы из гигиенических пакетов, и в центре свалки – Чегоданов, издохлых собак, обломков самолетов, ампутированных рук и ног. Назвать экспозицию: «Россия, вперед!»

– Гениальный проект! – Елена чмокнула в щеку остроумного фантазера. – А где, собственно, сам Скорыходов?

– Должно быть, вставляет себе в задницу перо попугая. А оно никак не вставляется, – хмыкнул усатый, с изможденным лицом художник, поправляя на шее шелковый бант. Он был мастером инсталляций, которые в зарубежных каталогах именовались «русским стилем».

Елена любила это экзотическое, капризное, животворящее племя, являвшее собой дружное сообщество творцов, безобразников, бескорыстных мечтателей, неутомимых выдумщиков, так не похожих на тусклых обывателей, или алчных стяжателей, однообразных кликуш или желчных ненавистников. Художники, с которыми она водила дружбу, могли быть пьяницами, курильщиками тонких ядов, мелочными в обидах, но никогда – мрачными дельцами, фанатичными исповедниками, жестокими гонителями. Они были терпимы, ироничны, мечтательны, держались тесной стаей, где каждый узнавал другого по переливу пера, птичьему свисту, изысканному полету, который часто кончался трагическим кувырком под дулом смертоносного ружья.

– Когда ты была с Бекетовым, от тебя была польза, – произнес художник в азиатской шапочке и неряшливой хламиде с пестрым пояском. Он прославился инсталляцией на тему террористических взрывов в Москве. – Ты приводила к нам богатых клиентов с Рублевки. А теперь, когда ты крутишься среди оппозиционеров, кого ты можешь к нам привести? Твой Градобоев любит Шилова и Глазунова, готовых увековечить его неистовый лик.

– Ты не прав. Я раздобуду для вас роскошный заказ. Под него есть деньги, нужны мастера. Через месяц состоится грандиозный митинг оппозиции. Превратите его в перформанс. В вашем распоряжении площадь, толпа, знамена, транспаранты, фаеры, мегафоны, прожектора. Создайте зрелище, как при открытии Олимпиады.

– Легко, – хмыкнул крепыш с русыми кудрями, чьи руки были черными от металла, сварки, едких кислот и мастик. – Оденем твоего Градобоева в костюм инопланетянина и спустим его на трибуну с аэростата.

– Лучше в горностаевой мантии, с короной на голове.

– А может, в облачении Ильи-пророка, который вернулся на землю?

Художники, которых позабавило предложение Елены, стали фантазировать, то ли шутя, то ли всерьез. Но в это время устроитель выставки, знаменитый арткритик в просторной блузе, с клиновидной бородкой, подошел к микрофону, созывая публику:

– Милостивые дамы и господа! Мы открываем концептуальный проект известного своим непревзойденным искусством Даниила Скороходова: «Стань птицей!» Актуализация этого проекта связана с экзистенцией каждого, кто в глубине сознания несет архетип птицы. Найти в себе этот, глубоко запечатанный архетип, пробиться к нему, сбросить все позднейшие наслоения и вылететь на свободу – такова задача визуального субъекта, который воспроизводит архетипический порыв души к небу, к невесомости и, если угодно, к первояйцу, из которого родился мир. Прошу! – Он хлопнул в ладоши среди мерцающих вспышек, проблеска телекамер, аплодисментов зрителей.

В громкоговорителе раздался петушиный клекот, крик кукушки, уханье филина. В зал, в свете прожекторов, выскочил совершенно голый Скороходов, с тощими

ногами, вислым задом, безумными счастливыми глазами. Не стыдясь наготы, заскакал, запрыгал, колотя себя руками по ляжкам, пугая дам, вызывая хохот и свист. Подбежал к ванне, плюхнулся в нее, расплескивая желтоватую жидкость, возился в ней. Вышел из ванной, отекая то ли подсолнечным маслом, то ли олифой. Прыгнул в ящик с перьями. Крутанулся в нем. Поднялся, весь в пуху от макушки до пят, с комком перьев в паху, с перьями на лопатках и животе, с пернатыми руками и ногами, с головой толстой от пуха, из которого смотрели круглые хохочущие глаза. Стал скакать, кукарекать, наскакивать на зрителей. Суматошно обегал других птиц, сконструированных из железа, бумаги и тряпок. И замер, сам превратился в скульптуру.

Елена смеялась, аплодировала, смотрела на летящий пух. И вдруг среди зрителей, со страхом и неверием, увидела знакомое лицо – высокий лоб, платиновая седина на висках, серые внимательные, устремленные на нее глаза. Бекетов стоял в толпе, словно явился из бесплотной вспышки, из слепящих лучей, из ее грешных побуждений и запретных видений.

Они сидели в маленьком артистическом кафе в дальнем углу галереи, среди тех же кирпичных стен, железных балок, врезанных в пол рельсов.

– Спасибо, что подошла, не убежала, увидев меня, – говорил Бекетов, виновато и робко поднимая на Елену глаза.

– Ты искал меня? Не случайно оказался в галерее?

– Я помню, что ты стараешься не пропускать вернисажи. Помню, что Скороходов твой приятель.

– Зачем же ты меня искал? – спросила она отчужденно, испытав внезапную неприязнь, столь сильную, что готова была встать и уйти.

– Мне хотелось увидеть тебя.

– Да что ты говоришь? Захотелось увидеть? Захотелось вдруг повидаться? А когда ты уехал, не попрощавшись со мной, когда ты прислал мне это бесчеловечное письмо, так и не удосужившись объяснить... И это после всего, что нас связывало. После всех твоих уверений. И вдруг теперь – повидаться? – Она испытывала желчное отчуждение. Ее горечь, негодование, оскорбленное

самолюбие воскресли, и ей хотелось сделать ему больно, уязвить, сказать что-нибудь оскорбительное и надменное, а потом подняться и уйти.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/prohanov_aleksandr/vremya-zolotoe

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)